

Сергей Семипядный

**Зона сквозного
действия**

Сергей Семипядный

Зона сквозного действия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22817680

ISBN 9785448368677

Аннотация

Матвей, Роман, Арина и Лариса проводят каникулы в условиях дикой природы. Однако дикая она лишь на первый взгляд. Вообще же, то, что происходит в данной местности, противостоящей проявляемой человечеством агрессии, представляется странным и пугающим. А с появлением Стаса и Рича, двух задумавших немислимое «туристов», опасности возрастают многократно.

Содержание

Часть первая	5
На волшебное озеро	5
Авиастолкновение	12
Груз триста	20
Установление нарушителя правил полётов	26
Конфуций не прав	32
План географических открытий	43
Путешествие за горизонт	48
Когда в товарищах согласья нет	59
Антиэльфы, которых не существует	66
Напрямую – бесконечными кругами	77
Шутки лесные, необъяснимые	91
Здоровый сон в полевых условиях	96
Мистическое преступление	108
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Зона сквозного действия

Сергей Семипядный

© Сергей Семипядный, 2017

© Елена Семипядная, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-6867-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

На волшебное озеро

Матвей жил со своей мамой. Мама была очень занята на работе. Да и дома она, как правило, тоже была не дома, а где-то там. То есть не здесь. Поэтому была немножко рассеянной и не всегда помнила, что у неё имеется сын.

Вот и сейчас она, занятая укладыванием в портфель папок и файлов с документами, не сразу узнала вошедшего в комнату Матвея и спросила:

– Ты, мальчик, к кому?

– Я просто мимо прохожу. В ванную, – ответил Матвей.

– А, Матвей! Да-да, Матвей, Матвеюшка, сынок...

Маме Матвея стало неловко, что она такая немножко не совсем как все другие мамы, и она отодвинула от себя портфель тёмно-синего цвета.

– Ты в школу собираешься? Тогда тебе надо позавтракать. Для этого тебе нужно... – На глаза ей попался только что отодвинутый портфель. – Так, всё я взяла? А где синяя папка?

– Когда я вошёл, ты заталкивала её вовнутрь.

– Ах да. Кстати, если вдруг захочешь поесть перед школой, сходи на кухню. Там справа... Нет, там слева стоит хо-

лодильник белого цвета...

– Серого цвета, – поправил Матвей. – Но я уже на каникулах.

– В общем, сориентируешься. Тем более что ты уже закончил пятый класс.

– Шестой класс, – уточнил Матвей.

– Всё время ты со мной споришь! Ладно, я ушла.

Она всегда уходила вовремя. Правильнее сказать, не вовремя, но – всегда.

Однако так, ну, что «не вовремя», Матвей считал, когда был маленьким и почти что беспомощным. Например, надо идти гулять, а шнурки завязать некому. Точнее, есть кому, но у этого кому, у Матвея, то есть, не получается. Приходилось просто запихивать их вовнутрь и бегать не так быстро, как хотелось бы. А иногда и просто сидеть и читать книжку. Или делать вид, что читает. Потому что когда Матвей родился, то был ростом всего 51 сантиметр вдоль кровати и не умел читать.

Но это было в начале его жизни. Позднее Матвей по нескольким случайно ставшим известными ему буквам установил весь алфавит и принялся читать книги уже по-настоящему, чтобы, когда он пересказывал содержание книг товарищам, не приходилось ничего выдумывать.

В общем, мама Матвея ушла на работу, а спустя совсем короткое время прибежал Роман с круглыми глазами. Они у него такие постоянно.

– Матвей! – едва ли не с порога закричал Роман. Он почти всегда кричал, потому что у него имелись две сестры, которые могли кричать не менее громко. – Матвей, меня отпустили к бабе Саше и деду Фёдору! На волшебное озеро!

– Не думаю, что озёра бывают волшебными, – попробовал охладить его пыл Матвей.

– Бывают! А тебя отвезут вместе со мной к твоему отцу! У озера – всё лето! Я, ты и – чудеса! И мы сделаем то, что задумали! Потому что одно дело, если просто в глухомани на природе потусоваться, и другое – мистика и необъяснимые катастрофы. Сегодня снова с тётёй Машей будем разговаривать. Она уже ушла?

– Разве отец закончил строительство дома? – с недоумением проговорил Матвей.

– Давно! – вскричал Роман. – Настоящий дом! Почти и не хуже нашего! Он сообщал тётё Маше.

– Она ничего не говорила! – не мог поверить своему счастью Матвей. – Я думал, он всё ещё в ангаре, в мастерской своей... Забыла? Она не могла... Хотя, пожалуй, с этой её работой...

Мама Матвея Мария в международной корпорации «Мегабайл» занимала достаточно ответственный пост руководителя отдела корпоративных и семейных праздников. Она знала о многих и многих постоянных клиентах фирмы, а также о её сотрудниках всё, вплоть до дней рождения их внуков и пристрастиях принадлежащих им домашних жи-

вотных. Она помнила, сколько стоит час работы аниматора в наряде Чебурашки, и могла, не прибегая к калькулятору, посчитать стоимость аренды посуды для организации фуршета на сорок две персоны. Но в быту была несколько рассеянна.

– Собирай всё самое необходимое! Зубную щётку, ласты, компас, сапоги, зубную пасту... Ну и, сам понимаешь, для нашей деятельности.

– Ты же знаешь, я прошлой осенью ещё... – ответил Матвей. – Папа приезжал летом и пообещал попытаться в ближайшем будущем...

Матвей открыл шкаф и вытащил оттуда огромный рюкзак. Роман крутился тут же и кричал:

– Здорово! Мы будем там сами по себе! Жаль только, Лариска и Аринка тоже поедут с нами.

– Арина поедет с нами?

– Обе! – вскричал Роман, скидывая руки с таким отчаянием, что Матвею показалось, что и волосы Романа встали дыбом. Впрочем, они и всегда у него были взъерошены до крайности.

Роман считался самым безответственным членом идеальной семьи, поэтому ему всю жизнь не хватало свободы и возможности проявить самостоятельность. Он был под круглосуточным присмотром родителей и младших сестёр. Шестнадцать часов в сутки его воспитывали и учили жить. И в школу его отпустили лишь в восемь лет, чтобы вместе

с Ариной, чтобы в одном классе и за одной партой.

А жизнь у озера – это нечто прямо противоположное.

– Ах, если бы ещё вдруг и совсем уж очень неожиданно, как я давно мечтал, Лариска заболела корью, а Аринка свинкой! – воскликнул Роман. – Но теперь уже они не успеют заболеть и остаться здесь.

– Они могут заболеть и у озера. Там, вероятно, гораздо более влажный климат, – сказал Матвей, выкладывая содержимое рюкзака на пол. – И их отправят домой.

Роман плюхнулся в кресло, поднял взгляд на Матвея и горестно усмехнулся.

– Как же! Да там болеть можешь сколько захочешь – баба Саша и дед Фёдор слова не скажут. Если вот только от приёма пищи откажешься. Но в этом случае бабушка так за тебя возьмётся, что в два счёта вылечит. Потому что эти её снадобья и прочие процедуры ни один больной человек не выдержит!

– А эти разговорчики, что она умеет на чём-то летать, – что? – спросил Матвей.

Как бы между прочим спросил. Голосом предельно равнодушным и даже не отвлекаясь ничуть (если со стороны смотреть и не очень внимательно) от производства ревизии содержимого рюкзака.

– Да на любой палке! Я тебе сто раз говорил! – закричал Роман.

– Я не думаю, что это возможно, – покачал головой Мат-

вей. – Да и каким образом?

Матвей продолжал делать вид, что озабочен содержимым рюкзака, в котором без его ведома, конечно же, не могло появиться ничего лишнего.

– Говорит, всегда хотела. Но – работа, семья... – Роман пожал плечами. – А вышла на пенсию, уехала на озеро... Но сам я не видел.

– Я думал, только на самолёте или вертолёте...

– На самолёте, как твой отец, любой сможет.

– Как мой папа – не любой, – не согласился Матвей. – Он бывший автогонщик.

– А как мой – любой, кто за курсы заплатил. Он уже без инструктора поднимался в воздух. А теорию мы вместе изучали.

Матвей затолкал рюкзак в шкаф и обернулся. И наткнулся взглядом на лежащий на столе смартфон.

– И сотовой связи там по-прежнему нет?

– Нет, естественно! Заблудился – кричи: «Ау!» Единственное средство связи. Ау! Ау! А если бы ещё там моих всех да твоего папаши не было, мы бы совсем одичали. И научились бы со зверями и птицами разговаривать. Общались бы, прикинь, на всех языках тайги. Здорово, да?

– Не знаю, насколько это возможно.

– Возможно! Потом можно было бы и на уроках разговаривать. Хоть по-воробьиному, хоть мышинным писком.

Матвей поморщился. Не любил он ни учебное время, ни

какое-либо иное на болтовню тратить.

И вообще, разве мечты сбываются? Нет, растёшь, взрослеешь – появляются новые. И когда их уже много, то уже и не мечты это, а просто несчастливое детство и дальнейшая несчастная жизнь.

Авиастолкновение

Однако вечером следующего дня Матвей был уже в сотнях километров от дома. С семьёй Романа в сборе ехал он по дороге, которая становилась всё хуже и хуже. Машина постоянно буксовала и, в конце концов, застряла окончательно. К счастью, вскоре подъехал трактор с тележкой, из которого выскочил дед Фёдор, на первый взгляд, бандит или ковбой, на второй – рыбак или охотник, подозрительно переполненный энтузиазмом и жизнерадостностью.

– Привет! – сказал он, улыбаясь счастливо. – Я думал, в Воробьёвке встречаемся.

– Где мама? – спросила мама Романа, Арины и Ларисы Виктория вместо приветствия.

– Потерялась где-то. И я решил, что сам заберу детей. Вместимость тележки – тонна зерна или много-много детей.

– А где Макарыч? – спросил папа Романа, Арины и Ларисы Игорь. – Мы привезли Матвея.

Макарычем звали отца Матвея. Все. И дети, и взрослые. И кто знал его имя-отчество, и кто нет.

– Не знаю, – ответил дед Фёдор и недовольно скривился. – Наконец-то он взялся испытывать новый старый самолёт и куда-то улетел. Завтра химсоставом поля обрабатываем. Как ехать, так и кобылу шить. Но я заберу и Матвея. Про вместимость тележки я уже сообщал.

Дед Фёдор и папа Игорь принялись вытаскивать автомобиль из грязи, а мама Виктория, чтобы не терять времени зря, всплакнула и стала прощаться с детьми. То есть обнимать их и целовать. Всех. Даже Матвея, который для неё был всего лишь товарищем её сына, которого она всего лишь обожала ставить в пример своему сыну. Да, она и его от нечего делать поцеловала несколько раз.

– Сейчас они уедут! – стирая с лица следы губной помады, радостным шёпотом прокричал Роман Матвею. – А там всё будет по-другому! На сто метров отошёл от дома – уже всё, ты уже настоящий дикарь!

И вдруг, когда автомобиль был извлечён из тёмно-серого месива, мама Виктория разрыдалась. Все опешили, только дед Фёдор топнул ногой и сердито сказал:

– Перестань сейчас же! Прекрати, Виктория!

– Вы не уследите! – выкрикнула мама Виктория. – И пора уже сказать!

– Вика, – проговорил неуверенным голосом женатого человека папа Игорь. – Я надеюсь...

– Надеется он! – выкрикнула мама Виктория и снова заплакала. – Вспомни себя прошлогоднего! Диск, правилка! Тьфу! Не ты ли рогатку смастерил и об арбалете размечтался?

– Они же и так дети. И я думаю... Кстати, я был против. Ты забыла, Вика, я был против!

– Кому нужно такое «против»! – выкрикнула мама Вик-

тория и снова заплакала. – А кулаком по столу?..

Арина и Лариса переглянулись и побежали к матери. Обняли и прижались к ней.

– Мама, не переживай! Мама, почему ты плачешь? – заговорили они, сами уже готовые расплакаться.

– Обещайте... Обещайте мне, что не будете ходить на озеро!

– Не ходить на озеро?! – вытаращил глаза Роман. – Но мы едем на озеро!

– Речка! Достаточно реки! Это озеро даже река стороной гибает! – Виктория торопливо поцеловала Арину и Ларису и бросилась к автомобилю. Около машины, уже распахнув дверцу, она обернулась и ткнула пальцем в сторону деда Фёдора. – Ты обещал! Вы оба с мамой обещали!

Потом Матвей, Роман, Лариса и Арина ехали в тележке, прицепленной к шумному трактору. Дед Фёдор спешил к своим яблоням, поэтому ехал очень быстро. И тележку мотало на рытвинах и колдобинах в разные стороны. А ещё подбрасывало вверх и кидало вниз, в ямы, но не воздушные, а самые настоящие. И было здорово кувыркаться среди сена, наполовину заполнявшего тележку. Даже Ларисе и Арине это понравилось, хотя они то и дело кричали, что «больше никогда и ни за что».

Когда Романа подкинуло слишком высоко, он увидел идущего далеко впереди человека. Вскоре его опять подбросило на прежнюю высоту, и Роман узнал пешехода.

– Смотри! Матвей, смотри! Твой отец! Матвей, Макарыч идёт!

В эту минуту под колёса тележки попала одна из последних колдобин (дальше дорога была вполне сносной), но колдобинища настолько мощная, что вверх подбросило всех пассажиров одновременно. И все, даже Арина и Лариса, ехавшие с закрытыми глазами, увидели Макарыча, который был не за штурвалом самолёта, не за рулём автомобиля или трактора и даже не на велосипеде. Он шёл по дороге пешком и, кроме того, тащил на плечах воздушный винт, нередко называемый пропеллером.

Дед Фёдор остановил трактор, и Макарыч забрался в тележку вместе с поклажей. Выглядел он чем-то очень озабоченным, погружённым в собственные мысли.

– Папа, ты откуда с винтом? – спросил Матвей.

– Столкновение с неустановленным объектом. Я заходил на посадку. У озера, – сообщил Макарыч. – Здравствуй, Матвей. Кажется, мне говорили, что ты приедешь. – Макарыч хотел обнять Матвея, но винт на его плече не позволил этого сделать. – Как там мама твоя?

– Нормально.

Роман переместился поближе к Макарычу.

– С летающим неустановленным объектом, Макарыч?

– Я был на самолёте. Теперь я на своих двоих. Здравствуйте, дети.

Макарыч – он всегда был немножко задумчивый – узнал

внуков соседей своих, но попытку вспомнить их имена благодарно отбросил прочь быстро и решительно.

– Значит, точно – с летающим... С летеющим или летеющей... – принялся вслух размышлять Роман.

– Неустановленный объект не повредился? – обеспокоилась Арина, и тень легла на её лицо.

А вообще, Арина всегда улыбалась. Или, правильнее сказать, светилась и лучилась. Поэтому Матвей любил смотреть на её лицо. Но как-то стеснялся немного. Или даже очень сильно. Особенно когда она, как сейчас, например, глядела на него прямо и в упор. Не на Макарыча, а на него, на Матвея, смотрела, как будто сын за отца отвечать должен.

Макарыч ответил сам.

– Я не знаю, – сказал он и пожал плечами. И принялся размышлять о чём-то требующем видимых усилий.

И тут Лариса, сидевшая рядом с Макарычем, настойчиво подёргала его за рукав.

– Но он, объект, который неустановленный, живой? Говорите!

У Ларисы, суровой и надменной девочки девяти лет, – командный бас. Бас? В общем, не по возрасту и комплекции низкий, сильный и громкий голос. Макарыч даже вздрогнул. А потом встряхнул головой, прерывая уже полным ходом идущий мыслительный процесс, и в замешательстве округлил глаза.

– Наверно, живой... был.

– Если он был живой, то мог умереть! – вскричала двенадцатилетний поэт Арина. – Объект летающий мой, ты был живой, ты был живой... Боже!

– Вы, Макарыч, нарушили правила... Вы правила полётов знаете? – спросил Роман.

– Я правила дорожного движения знаю. А эти – не очень. Но, мне казалось, я был очень внимателен.

– Если он был слева, вы должны были... – начал Роман. – Нет, по-другому скажем. Если тот, второй участник движения, был справа, то пропустить следовало.

– Земля, полоса прибрежная, которая набегает на шасси, – произнёс Макарыч и, помрачнев, добавил: – И... там другой воздух.

– Другой? – спросил Матвей.

Макарыч, задумавшись, кажется, забыл о детях.

– Да, с неустановленной стороны, – проговорил он, похоже, по инерции. – Не трагически, конечно, а вот с винтом и амортизационным шнуром костыля...

– Мальчишки... – фыркнула Лариса. – Они все такие непродуманные!

– Минутку! – воскликнула Арина. – Надо найти объект, если он живой, и оказать помощь, если он ещё жив.

– Или позвать всех и похоронить, – вздохнула Лариса. – С почестями, как жертву.

Роман обернулся к Макарычу.

– Катастрофа у озера?..

– У озера. Мне круг пришлось... Замеры. Но туда лучше... В общем, туда нельзя.

– Почему?

– Ну, мы решили... – Макарыч почему-то замолчал.

– Они решили! – Роман посмотрел на Матвея. – Ты понял?

– Я столько слышал про озеро, что... – проговорил Матвей растерянно.

– Тут замечательные места. А озеро... Да ты же... – Макарыч хотел обратиться к Роману, но не смог вспомнить, как того зовут. И обернулся к Арине и Ларисе. – Да вот и девочки...

– Лариса и Арина, – сказала Лариса.

В этот момент дорога в последний раз вильнула, и из-за леса появилась река, неширокая, но бесшумная, с водой синей и на взгляд очень холодной. А справа – скрывающий часть реки двухэтажный дом садового типа с большим и высоким крыльцом. Ещё правее – второй дом, тоже в два этажа, однако размером поменьше. И тоже с крыльцом.

– Да, Лариса и Арина бывали здесь. Тут ведь и кроме озера... Да вот же река. Я один схожу! – закончил Макарыч, словно на что-то решившись, как только трактор остановился. – Да, я схожу. Я прямиком, по мосту и через лес.

Он бросил винт к заднему борту и выбрался из прицепа. Роман и Матвей тотчас последовали за ним.

– Иду с вами! – крикнула Лариса. – Вдруг врач потребу-

ется. Я начинала с кукол...

– Нет! Нет! Нет! – Макарыч вытянул перед собою руки, словно намерен был самым решительным образом удержать детей от чего-то крайне нежелательного.

Груз триста

Они относительно недалеко, метров на пятьсот, отошли от реки и живого, отзывающегося на каждый шаг моста, когда заметили идущую по тропинке им навстречу бабу Сашу. Она хромала, опираясь на длинную палку, и вообще выглядела неважно, однако, завидев внука и внучку, взмахнула руками и даже попыталась ускорить шаг.

– Здравствуй, бабуля! – кричит Лариса.

– Вы почему хромаете, Александра Васильевна? – задаёт вопрос Макарыч и не без удивления рассматривает синяки и ссадины на её лице.

– Я не знаю. Я же летаю. Вот, летела – и вдруг... – Баба Саша останавливается и тяжело опирается на свой посох. – Да, и Конфуцию не всегда везло, как говорят наши.

– Слышали? Летела! – говорит Лариса, затем подбегает к бабе Саше и обнимает её. – А что, может, ты, правда, летаешь?

Баба Саша, подвергшаяся объятиям внучки, вскрикивает:

– Ой! Ох-хо-хо! Больно-то как! Здравствуйте, человечки!

– Авиакатастрофа! – провозглашает Роман.

– Авиакатастрофа? – Матвей пытается повнимательней рассмотреть палку бабы Саши с крюками на одном из концов.

А баба Саша – она уже собралась с силами – отодвигает

Матвея в сторону, чтобы получить доступ к телу внука.

– Вот... он, неустановленный... объект! – произносит Роман, похрустывая неокрепшими косточками в объятиях соскучившейся бабушки.

– Он... ранен, но... сильно жив. Она... правильнее сказать, – уточняет Лариса, вновь оказавшаяся в руках бабы Саши, довольно крепких.

– Да, потому что самостоятельно передвигается и радуется встрече, – резюмирует Роман, приводя в порядок одежду. Макарыч, улыбаясь, пожимает плечами.

– Значит, похорон не будет.

– Но можно вылечить её и отпраздновать выздоровление! – говорит Лариса.

Идея с празднованием Роману приходится по вкусу.

– Баба Саша, тебе много времени нужно, чтобы выздороветь? До вечера выздоровеешь?

Баба Саша поводит плечами и морщится от боли.

– Ой, не знаю. Медобследование бы...

– И так всё ясно, – заявляет Роман. – Летунья! Ты и пешеход неважный. Лечить незамедлительно. Ларка, ну!

Лариса смотрит на Романа, как на идиота.

– Но у меня нет ничего!

Баба Саша уже едва на ногах стоит, её уже покачивает.

– Вы её обнимашками добили, – сообщает Матвей.

– Александра Васильевна, может, вам помочь? Я могу вас на руках отнести, – предлагает Макарыч.

– Мы поможем! – поддерживает Роман. – Это называется груз триста.

Бабу Сашу, несмотря на её сопротивление, впрочем, очень нерешительное, подняли и понесли. Матвей и Роман взяли за правую и левую ноги, а Макарыч подхватил её под мышки. И баба Саша мгновенно затихла.

Матвей бросил взгляд через плечо и сообщил:

– Похоже, потеряла сознание.

– Главное, живой доставить. У неё и снадобий всяких... А уж таблеток-то!.. – успокоил Роман. – И с нами мама большую кучу ещё отправила.

– Вот если бы лекарства лечили заранее, пока не заболело! – произносит Лариса. – Хочу я, чтобы бабуля не болела больше никогда!

– Ларисочка... – слышится слабый голос бабы Саши.

– Ты не разговаривай! Тебе нельзя! – не даёт ей говорить Роман.

– Но стонать ты имеешь право! – Лариса сжимает в ладошках руку бабы Саши. – И капризничать.

Баба Саша удивлена.

– Капризничать?

– Ты можешь требовать хоть эскиммо с вишенкой, хоть круассан с любой начинкой. А лучше – пирог с маком!

– С маком?

– Эскиммо тут всё равно нет, а пирог с маком я люблю. – Лариса мечтательно улыбается.

Макарыч, он уже порядком устал тащить больную, мотает головой.

– Нет-нет! Сначала лечение.

Баба Саша, как будто, возмущена.

– Почему нельзя одновременно? У меня какие органы пострадали? Ноги и бока. Да. Но не аппетит.

И подмигивает Ларисе.

Дед Фёдор и Арина ждали на берегу, перед крыльцом дома с надписью по фронтону «Александрия», изготовленной из многоцветно окрашенных реек. Оценив увиденную картину, они поспешили навстречу.

– Что с бабушкой? – ещё издали закричала Арина.

– Да наверняка она летает! – выкрикивает Роман, которому хочется верить в чудеса. – Не на земле же все бока!..

Дед Фёдор, подбежав, делает попытку сменить измученного Макарыча.

– Ничего, ничего, – отказывается тот, и дед Фёдор, оттесняя Романа и Матвея, тоже подуставших, подхватывает ноги бабы Саши.

Вот больная уже и в доме.

– Наверно, на диван её... В прихожую, пожалуй... – неуверенно произносит дед Фёдор.

– Нет, к кухне поближе... – возражает баба Саша. – Там все лекарства.

– Она, кроме лечения по назначению врача – это я врач, кстати, – ещё и пирог с маком хочет, – сообщает Лариса. –

Большой, чтобы и нам досталось. Дед, умеешь пироги стряпать?

– Да. Под наблюдением специалистов.

Бабу Сашу укладывают на кушетку, находящуюся в столовой.

– А лечить? – спрашивает Роман у деда Фёдора.

– И стряпать, и лечить – под наблюдением.

– А я могу и без наблюдения, – хвастается Лариса и принимается выталкивать всех из комнаты. – Попрошу не мешаться тут. Прошу посторонних покинуть помещение!

– Шура! – взывает растерявшийся дед Фёдор.

Баба Саша машет рукой.

– Ничего. Выросла помощница.

Очень скоро все покинули совмещённую с кухней столовую, а Лариса, направляемая указаниями бабы Саши, принялась замешивать тесто и хлопотать возле больной. Она сыпала на стол муку и лила на бабу Сашу йод и зелёнку, месила тесто и выдавливала на пациентку различные мази из тюбиков, раскатывала тесто и накладывала на конечности бабы Саши компрессы, набивала пирог маком, как чемодан перед дальней дорогой, и бинтовала раненую, как мумию перед поселением в пирамиду.

А когда не забинтованным и не намазанным у бабы Саши осталось всего ничего, Лариса, уже порядком утомившаяся, чуть не высыпала в рот больной стакан сахара, а в заталкиваемый в духовку зеленоватый, с йодными подпалинами пирог

попыталась засунуть градусник.

Установление нарушителя правил полётов

Роман и Арина тоже времени зря не теряли. Арина в высшей степени вдохновенно осматривала окрестности, то в бинокль, то непосредственно, а Роман суетливо прогуливался около дома Макарыча в ожидании появления Матвея.

Когда, наконец, Матвей появился, Роман закричал:

– Слушай, а я как раз к тебе! Знаешь, я, впечатление такое, в детство вернулся! А? Ты уже заценил?

– Необходимы достопримечательности. Количество, качество... – подойдя к Роману, сказал Матвей и посмотрел сначала вправо, затем влево. – Пока я ничего экстраординарного не наблюдаю.

– Всё есть! Тут только одно озеро с его скалами... Наверняка и пещеры имеются, с летучими мышами, сталактитами, подземными водоёмами. Просто я был мелкий и с родителями. Здесь была палатка, там, – Роман махнул рукой в сторону реки, – лягушатник. Для нас выгородили, чтобы вода прогревалась.

– По поводу озера я не понял, – проговорил Матвей и внимательно посмотрел Роману в глаза.

Роман дёрнулся и замотал головой.

– Не знаю, не знаю я! В прошлом году родители ездили, ну и... Они помогали старикам дом достраивать. И что-то...

Я просто не курсе. Что-то произошло. Говорю же, я не знаю! Приехали взъерошенные какие-то, о чём-то спорили, ругались. У себя в комнате, после отбоя.

– Сказали – не ходить.

– Значит, не пойдём. До ужина, по крайней мере. А река? Смотри! Идём! – Роман схватил Матвея за руку. – Там выше ручей от родника. Прямо из глубин, где минус тридцать или сорок.

Роман и Матвей отправились вдоль реки. Арина внимательно посмотрела им вслед, задумалась, перевела взгляд на водную гладь реки, на кусты прибрежные, затем продекламировала:

– Они ушли, шаги затихли, деревья замерли стоять...

А после ужина, наевшись не особенно удавшегося пирога, Матвей, Роман, Арина и Лариса отправились к озеру и в скором времени отыскивали место падения самолёта. Или приземления, правильнее сказать. Жёсткого, но всё же приземления – перед тем, как уткнуться в куст черёмухи, к скале прижавшийся, самолёт основательно поковырял шипами шасси кочки прибрежной поляны.

– Наказывать надо! – выкрикнул Роман, на секунду остановившись. Он уже несколько минут бегал вокруг самолёта и торопливо его осматривал.

– О чём ты? – не поняла Арина.

Роман встал на четвереньки и заглянул под фюзеляж.

– За нарушение правил дорожного... – Роман неожиданно

громко икнул. – За нарушение правил полётов! А так дело не пойдёт.

– Нарушителей двое, возможно, – объявила Лариса. – Люди, так бывает.

Роман сделал задумчивое лицо, но ненадолго.

– Того, кто меньше пострадал, и наказать? Да, пожалуй.

– Наказывают не того, кто меньше пострадал, а кто больше виноват, – возразила Арина.

– А виноват тот, кто меньше пострадал! Это же ясно!

Арина окинула Романа насмешливым взглядом.

– Если самолёт больше не поднимется в воздух, а баба Саша наестся пирогов и таблеток и начнёт летать, её и наказать?

– Да, лишить её права летать на всё лето! – сказал Роман. – Я устал, когда нёс её под видом груза триста.

Лариса выставила кверху указательный палец правой руки и тоном учительницы изрекла:

– Необходимо срочно всем выучить правила движения в целях недопустимости впредь!

– Всем? Каникулы же! Пусть в целях недопустимости впредь нарушители учат правила! – вскричал Роман и снова икнул. – Выяснить, кто виноват! А то правила, панимай-ишь... Кста, поврежденный, кроме отсутствий винта и присутствий царапин, не обнаружено. Так, Матвей?

Роман дважды подряд икнул и обернулся к Матвею, безучастно стоявшему у хвоста самолёта. Матвей как-то странно посмотрел на него и, ничего не ответив, опустил глаза.

– Вывод? – спросила Арина у Романа, с подозрением косясь на Матвея.

– Пицца из морозилки мне нрависса больше, – в очередной раз икнул Роман.

– Про самолёт.

– Самолёт меньше пострадал.

– Если бы его требовалось бинтовать, то и нечего было бы, пожалуй, бинтовать, – высказала своё мнение Лариса и ногой ковырнула повреждения лакокрасочного слоя. – Царапины – это как ссадины. Только зелёнка... Ну, краска нужна. Но не из пузырька, а из ведёрка.

Роман пожал плечами.

– Воздушный винт приделать, и всё. На эпоксидку. Илий ещё как.

Лариса сильно пинает ногой в корпус самолёта и снова поднимает кверху палец.

– Но самолёт – железный! Слышите, люди?

– Да, он из металлов, некоторые из которых разве что всего лишь ржавчины и боятся. Так, Матвей? – говорит Роман.

Матвей молча кивает, а Лариса командует:

– Продолжай!

Роман продолжает:

– И из пластика. Который современную цивилизацию переживёт.

– А бабуля, – резюмирует Лариса, – из костей, хрящиков

и прочего непрочного.

– Да-да! – подхватывает Арина и принимается позу чтеца: – И прочего, прочего, очень непрочного. И парочка крепких, пронирыливых вирусов... Попробовать про это стих написать.

– Да, непрочная, – вздыхает Лариса и добавляет: – Хотя я её очень хорошо полечила.

– И всё-таки кто-то же нарушил! – настаивает Роман. – Матвей! Ну! Ты чот-та странный какой-та.

– Сложный вопрос. Осмотром установлено... – неуверенным голосом произносит Матвей. – Надо подумать, проанализировать. Они же ввиду взаимной невнимательности...

– А свидетелей нет, – добавляет Арина.

– Предлагаю дуэль! – вскрикивает Роман. – Она, кста, всегда при свидетелях, которых называют секундантами.

Арина мысленно представляет картину дуэли между бабой Сашей и Макарычем. Баба Саша в образе Дантеса, а Макарыч – вылитый Пушкин. Выстрелы – Макарыч-Пушкин падает. После этого картинка меняется. Теперь уже Макарыч в образе Дантеса, а баба Саша в образе Пушкина. Выстрелы – баба Саша-Пушкин падает.

– Дуэль – не совсем то, что нужно, – делает вывод Арина. – На дуэлях погибает не тот, кто виновен, а наоборот.

– Ни к чему, чтобба погиб невиновный, – мотает головой Роман.

Лариса более категорична.

– Лучше если вообще никто не погибнет.

Арина удовлетворённо кивает.

– Вывод: будем считать, что дуэль отменена в связи с примирением дуэлянтов. Дуэль не состоится, дуэль отменена. Враги пожали руки и умерли от скуки. Ха! Тоже неплохо.

В эту минуту Роман замечает торопливо приближающегося к ним Макарыча и кричит:

– Макарыч, дуэль не состоится!

– Какая дуэль?

Макарыч замедляет шаг и усиленно морщит лоб. Возможно, он и в самом деле пытается вспомнить, что такое дуэль и с чем её едят.

– Дуэль с бабулей, – поясняет Лариса не очень довольным голосом, потому как дуэли она видела только в кино. – Будем считать, что вы помирились и все живы и счастливы.

Макарыч подходит к детям.

– Да-да, как раз собирался поинтересоваться, как она себя чувствует. Надеюсь, ей лучше? И прошу вас... Да, надо срочно уйти отсюда.

– Может, самолёт отремонтируем? – предлагает Роман.

– Нет-нет! – Макарыч поворачивается и вглядывается в стоящего неподалёку Матвея. – Здесь неподходящая аура. Уходим.

Макарыч подбегает к Матвею и, схватив того за руку, увлекает прочь.

Конфуций не прав

Бабе Саше к ночи полегчало. И спала неплохо. А с утра вдруг разболелась, и не на шутку. Так расхворалась, что сама встревожилась и даже запаниковала. С постели вскочила, по дому забегала, прихрамывая и постанывая.

Проснулась и спустилась вниз Арина. И тоже разволновалась, увидев, как баба Саша извлекает из шкафчика внушительных размеров склянку и выливает её содержимое себе в рот. А затем отхлёбывает, и прилично, ещё из нескольких банок с разноцветными жидкостями. И всё время громко охает и ощупывает голову и бока. Потом, в очередной раз потрогав лоб, берёт полотенце и обматывает им голову. И ложится на кровать.

– Тебе нужно поспать, – говорит Арина.

Но баба Саша уже опять на ногах. Она спешит к столу, заваленному лекарствами, и торопливо набирает целую горсть таблеток. И всю эту многоцветную горку ссыпает себе в рот. И проглатывает. Пытается проглотить, точнее. Арина наливает воды в стакан и подаёт его бабе Саше.

– Фу-у-у! – выдыхает баба Саша, проглотив воду вместе с таблетками.

– Теперь ты выздоровеешь? – с надеждой произносит Арина.

Баба Саша оборачивается и печально смотрит на внучку.

Затем бредёт к кровати и падает на постель ничком. Сил у неё уже нет. Кончились. Ни рукой, ни ногой, как говорится. Похоже, и перевернуться на спину не в силах.

– Тебе помочь? – спрашивает Арина.

– Да.

Арина помогает бабе Саше улечься поудобней, подушки ей подкладывает.

– Ты выздоравливай. Ты вязать меня обещала научить.

И из шнура.

– Так учила уж не раз, – слабым голосом говорит баба Саша. – Ладно, тащи. Последнюю попытку сделаю.

– Я сейчас. Нитки в сумке. Когда вяжешь – рифмы складываются.

Арина бежит к лестнице, ведущей на второй этаж.

– Э! – говорит баба Саша.

Арина останавливается.

– Да, бабушка.

– Ларису позови.

– Зачем?

– Скажи ей, что я смертельно больна, что я умираю. Только не напугай.

– Зачем умирать? Надо просто вылечиться и перестать болеть. Чтобы не умереть.

– Всё перепробовала. Ты же видела, – слабым голосом произносит баба Саша. – Мне немного осталось. Ровно столько, сколько нужно, чтобы хотя бы Ларисочку чему-то

научить.

– А я говорю – умирать рано! – протестует Арина.

– Ничего не бывает рано, ничего не бывает поздно. Всё приходит вовремя. Так сказал Конфуций.

– Конфуций? Ладно, я разбужу Лариску. Но ты всё равно не умирай.

Арина поднялась наверх и растолкала Ларису.

– Идём. Вставай быстро! Бабушка умирает!

– Как это умирает? – не поверила Лариса – Обещала бородавку вывести.

– Я тоже против. Но ей совсем плохо!

– Собирались же мороженое по-льежски... – бормочет Лариса.

– Зовёт тебя. Давай!

Арина выхватила из своего рюкзака объёмистый цветной пакет и убежала, а Лариса, даже ещё не вполне проснувшись, оделась настолько быстро, что сама не могла поверить, что она уже одета и надевать на себя ничего больше не требуется. Но футболка, шорты и тапочки уже были на ней. И этого, конечно, достаточно, чтобы сейчас же помчаться вниз по лестнице к умирающей бабушке.

Когда она прибежала к кровати больной, баба Саша приоткрыла глаза, но не шевельнулась. Лариса растерянно посмотрела на Арину и вязанье в её руках и собралась заплакать. Баба Саша нахмурилась.

– На слёзы нет времени. Лариса, засучи рукава. Арина, ты

будешь записывать.

– Я позову деда! – выкрикнула Арина, бросила на стол нитки со спицами и выбежала из столовой.

И очень скоро о близкой смерти бабы Саши знали уже все. И все хотели, чтобы она ещё пожила. Поэтому собрались около дома, в который их не пустила Лариса, и горестно покачивали головами, расположившись на крыльце, на лавочках.

– Сочетание синего дельфиниума и оранжевых лилий, – проговорил дед Фёдор. – Хотел, чтобы сама посмотрела. Думаю, ей бы понравилось.

– Планировал проконсультироваться насчёт укрепления памяти, – сказал Матвей. – Так-то я собрал информацию, но... Но хочется, чтобы как-нибудь...

– Волшебным образом? – улыбнулся, не без грусти, естественно, дед Фёдор. – Не знаю. Мозг всё-таки. Вот взять цветы акроклинума! Полурапустившимися в полуденные часы срезать или ближе к вечеру?

– Вклад в поиск достопримечательностей... – вздыхает Роман. – Матвей, я ведь на бабу Сашу очень рассчитывал. Не думал, что подведёт. Она – меня, а я, друг, – тебя.

– Ингредиенты липового чая... Состав каплею от сонливости... – бормочет Макарыч, параллельно размышляя о несомненном усилении признаков континентальности в местном климате последнего времени.

В окно, выходящее на крыльцо, высовывается голова Ла-

рисы.

– Тихо! Вы что себе позволяете? Жу-жу-жу, жу-жу-жу!
Расшумелись!

Дед Фёдор вскакивает и, спеша к окну, – кричащим шёпотом:

– Книги по фитодизайну! Среди тех, которые в коробках, или которые в мешках?

– Я спрошу.

– И по поводу мягкой очистки печени... – торопится дед Фёдор. – Рецепт Конюховы нахваливали. Она даже записала. Там к овсу и листьям брусники почки какие-то, кажется...

– Арина выйдет и запишет вопросы! – отрезала Лариса. – Если успеет.

Лариса захлопывает окно и спешит к плите, на которой находятся несколько дымящихся кастрюль. Баба Саша, лежащая на кушетке, провожает её внимательным взглядом.

– В левой дальней давно не помешивала, по-моему, – говорит она и обращает взор на Арину, плетущую макраме. – Ты всё ещё с панно «Совушка» возишься?

– А диагональный репсовый как завязывают? Я ведь не поняла.

– На наклонно натянутой узелковой нити. А клюв плести приёмом «горошина».

– Это как?

Баба Саша сползает с постели и забирает из рук Арины макраме.

– Я же уже показывала. На средних четырёх нитях – цепочку из шести плоских узлов.

Баба Саша возвращает Арине рукоделие и направляется к кушетке, но вдруг её привлекает запах, идущий из одной из кастрюль. Баба Саша приближается к плите.

– А это что у тебя тут?

– А это для женщин в возрасте, – отвечает Лариса. – Здесь кора крушины, плоды фенхеля, полынь горькая и мята перечная.

– Но запах!

– А я добавила ванили, мяты и ландыша. Для аромата. Для женщин же. Хоть и в возрасте. Для мамы, в первую очередь.

Баба Саша вздыхает и качает головой. Она уже собирается направиться к кушетке, как вдруг её внимание привлекает содержимое другой кастрюли.

– Это что такое? Тут же уха варится!

– Да, учусь варить уху.

– А что за цвет?

– Я добавила свёклы, – признаётся Лариса.

– Свёклу – в уху?!

– Цвет уж больно бледный был. Мне хотелось, чтобы уха была красивой.

– Ну, Лариска! Вылови сейчас же!

– Но красивый цвет останется?

– Боюсь, не только цвет сохранится в бывшей ухе!

Баба Саша принимается поварёшкой вылавливать из ухи

куски крупно нарезанной свёклы. Заглянувший в эту минуту в окно дед Фёдор хмурится, а затем стучит костяшками пальцев по стеклу. Лариса подбегает к окну и отворяет одну створок. Она возмущена.

– Да что ещё?!

Дед Фёдор вскипает ответным возмущением.

– А почему не в постели больная? Безобразие!

– На минуту встала! – Лариса захлопывает окно.

– Мы тут на грани истерики, а она поварёшкой орудует! – негодует дед Фёдор, меряя шагами крыльцо.

– Ей лучше? – уточняет Макарыч.

– Да внуки разве дадут умереть?! – взмахивает руками дед Фёдор и поспешно спускается с крыльца.

– Вы куда?

– Не могу больше! Займусь крыжовником! – отвечает дед Фёдор и направляется к сараю.

Макарыч также поднимается, несколько секунд раздумывает, потом, бросив взгляд на часы, торопливо покидает крыльцо и идёт к своему дому.

– Макарыч! – кричит дед Фёдор. Он не успел дойти до сарая. – Подожди!

Дед Фёдор спешит к ожидающему его Макарычу.

– Кажется, я знаю, что вы хотите сказать, – виновато произносит Макарыч.

– Макарыч, ты уж не подведи. Надо обработать химсредствами. Выходят сроки!

– Сделаю, что смогу, – кивает Макарыч.

– Макарыч, умоляю!

Макарыч ещё раз кивает и уходит. Дед Фёдор направляется к сараю.

Роман с торжествующей усмешкой оборачивается к Матвею.

– Мы временно не существуем. Ни для кого.

– На озеро я не пойду! – решительным тоном произносит Матвей.

Роман в недоумении.

– Вот так взять и упустить момент?

– Недостаточно информации.

– Информации? Какой информации? Ты говорил, теорию освоил в совершенстве. А я со своим стариком... Теперь – посидеть, потрогать для начала.

Матвей качает головой.

– Я не об этом.

– О чём тогда вообще, Матвейка?

– Я был одиноким и чужим. Давно со мной такого не случилось.

– Прекрати загадками изъясняться! – сердится Роман. – Внятно сказать можешь?

– Думаю, это всё не шуточки. Жаль, здесь интернета нет. Отец уклонился от разговора, поэтому... Может, с твоим дедом поговорим?

– Давай. Только ты уж сам, ладно? А то я не знаю, куда

тебя понесло.

Матвей недоверчиво смотрит на Романа, лицо которого кажется демонстративно беззаботным.

– Хочешь сказать, не заметил ничего необычного у озера? Ты, Лариса и даже Арина...

– Нет, не заметил! – нагло глядя в глаза Матвею, ответил Роман.

– Думал, ты – мой друг, – сказал Матвей, поднялся с лавочки, сбежал с крыльца и направился прочь.

– Да подожди, Матвей! – крикнул Роман спустя несколько секунд.

Человек, которого привык считать другом, удаляется, уходит, возможно, навсегда. Такую картину не каждый выдержит. Вот и Роман не выдержал. Он догнал Матвея, и они уже вместе пошли к дому Макарыча. Молча.

Так же, не проронив ни слова, они осмотрели набитый книгами дом и забитый различными агрегатами ангар, являющийся мастерской Макарыча. Но Макарыча не обнаружили. Дальнейшее молчание не несло конструктива. И Роман решился озвучить вертевшуюся в голове мысль.

– Эксперимент. Провести эксперимент. Быка за рога.

– Тебе легко говорить, – вздохнул Матвей. – Ты как был...

– Что?! – вспыхнул Роман. – Говори! Говори!

– Ты всегда был лёгким. У тебя всегда были сёстры!

– Не всегда! Хотя Аринка, можно сказать, всегда. А когда Лариску принесли и положили на стол, я даже на стул заби-

раться не стал. Стоял, смотрел и не знал, что делать.

На лице Матвея появилось выражение решимости.

– Мы проведём эксперимент, – объявил он. – Да. Но не сегодня. Мы подготовимся.

– Не думаю, что ты здесь памперсы отыщешь.

– Что-нибудь да отыщу.

– Ладно, не буду тебе мешать, – с некоторой обидой в голосе проговорил Роман. – Но ты настраивайся не стоять пнём, как в тот раз. Я облазал его весь. Но я же не разбираюсь в этом старье, пойми!

– Я тебе давал литературу.

– Опять ты!.. – с досадой воскликнул Роман. – Мне один раз попробовать на практике...

– Увидимся, – сказал Матвей и направился к дому Макарыча.

Роман смотрел ему вслед и сердился. И на Матвея, и на себя. Но больше – на Матвея. А потом отправился домой.

Войдя в прихожую, Роман услышал голос бабы Саши:

– Ложимся на спину, руки кладём за голову, ноги сгибаем в коленях, стопы ставим на пол. Лариса, ты видишь, как я ставлю ноги?

Роман вбежал в столовую и не поверил своим глазам – баба Саша и Лариса лежат на полу, на ковриках!

– Баба Саша, ты занимаешься спортом?!

– Комплекс Ларисе решила показать. Она со своей любовью к домоводству к двадцати годам в клушу превратится.

Опускаем колени вправо, затем влево. Начали!

– Арина! – обратился Роман к сестре, сидевшей тут же с вязаньем в руках.

Арина, прекратив орудовать спицами, подняла голову и усмехнулась.

– А я не одобряю. Я – против. Давно ли она ссылалась на Конфуция? Бабушка, – обратилась она к физкультурнице, – ты чем свои предсмертные судороги оправдывала? Говорила – всё вовремя приходит.

– Конфуций был не прав. Потому и умер рано, – сказала, как отрезала, баба Саша твёрдым голосом не планирующего умирать человека никогда.

План географических открытий

Роман счёл необходимым выдержать характер. Да, дружба дружбой, но сложные межличностные отношения никто не отменял. Да их указами и не отменишь. И одно дело, жизнь за товарища отдать, а другое – потворствовать... Да чему угодно потворствовать. Потворствовать, потакать...

Главное – быть всегда готовым жизнь отдать. Всегда и во всякую минуту. Потому что там не будет времени на подумать, поразмышлять. Опасность, угроза, катастрофа – это всегда неожиданно. И надо ещё не опоздать что-то сделать, чтобы спасти. Часто и не успевают. Не успел – не герой. А кто-то не войдёт в положение, не примет оправдания – вот ты уже и подлец или подонок.

И ладно, если у тебя хотя бы совесть чиста, – переживёшь как-нибудь. Но вот если...

Дальше размышлять было уж совсем муторно. Роман быстро поднялся с кровати, вытащил из-под неё рюкзак и отыскал смартфон. Он обследует местность на предмет наличия или отсутствия сигнала. Мало ли кто и что заявляет. Сам так сам – не то, что дети, как говорит дед Фёдор.

Хотелось пойти к озеру, но Роман отправился вдоль реки, вверх по течению. Озеро никуда не денется. Хотя и река не убежит. Разве что русло сменит, что на местных широтах случается крайне редко.

Матвей тем временем исследовал отцовскую библиотеку. Не может быть, чтобы отец не занимался проблемой озера. А то, что это проблема, Матвей ничуть не сомневался.

Это он заподозрил ещё прошлым летом, когда неожиданно выяснил, что ни озера, ни его окрестностей нет на картах – просто зелёное пятно. И река не нарисована почему-то. А на спутниковой карте пятно не зелёное, а мутное. Но из него тёмно-серой закорючкой вывалилась одна из излучин реки. И река эта ещё та река. Она невообразимым образом сложилась из множества неведомо откуда взявшихся ручейков родникового свойства. И она неизвестно почему обегает озеро по кругу, прежде чем влить в него свои воды.

И ещё тогда, год назад, хотя Матвей и не был шокирован полученными сведениями, холодок неприятного предчувствия коснулся затылка.

А утром, проснувшись, Матвей с удивлением обнаружил сидящего около его кровати Романа. Роман сидел молча и молча же смотрел Матвею прямо в глаза. Взгляд был не то задумчивым, не то грустным или печальным. Да, задумчивым и грустно-печальным.

Роман в расстроенных чувствах – это ещё куда ни шло, но в состоянии столь глубокой задумчивости... Матвей встревожился.

– Что стряслось? – спросил он и уселся на кровати.

– Что за сон ты смотрел?

Матвей попытался вспомнить, даже потёр лоб рукой.

– Не знаю. Кажется, ничего интересного.

– Вот-вот, – вздохнул Роман. – Так и лето закончится.

А ведь мы у озера. Здесь можно летать, как баба Саша. Если она, конечно, летает. Выращивать по два урожая, как дед Фёдор. Если он, конечно, выращивает. Или, хотя бы, делать открытия, как твой отец.

– А мы составим карту местности, – сказал Матвей.

– Карта – это скучно, – скучным голосом проговорил Роман и, задействовав все мышцы лица, продемонстрировал состояние безысходности.

Матвей в ответ грустно усмехнулся и как-то непонятно посмотрел на Романа.

– Ошибаешься. Картография – это путешествия. А путешествия – это приключения. Магеллан, Беринг, братья Лаптевы. Нашими именами назовут... Или мы сами назовём...

Роман заметно оживился.

– Что назовём? Реку, озеро? Кстати, у них имена имеются?

– Если только отец или твои дедушка с бабушкой их называли.

– Да они – «река» да «озеро» всё... Такие слова употребляют. А на карте? Чур, я первый, если что! Озеро Романа, Роман-река. Ну или ещё подумать.

– Нет их на карте, – объявил Матвей.

– Как это нет?

– Вон там, на тумбочке, распечатки.

Роман бросился к тумбочке. Спустя минуту сказал:

– Мне только сейчас сообщаем?

– Не думал, что ты не в курсе. Но... надеюсь, ничего страшного. Сделаем карту, и мама привезёт корпоративщиков. Туристический бизнес возможен, считаю. Будет карта – мама решится, считаю.

– Знаю, чего ты хочешь от предков. Но так ли уж это хорошо? Я бы, на твоём месте, всё взвесил.

Матвей не ответил, только промычал что-то.

Роман стал думать, как ему поступить. Это же ни в какие ворота! Да он вообще за кого его держит! Роман уже собрался обидеться по-взрослому, но некстати вспомнил слова Матвея про «ничего страшного».

Поэтому уверенным голосом заявил:

– Ладно, сделаем. И будет карта. И с остальными делами решим. Какой-нибудь газ из недр – вот и иллюзия этого... Того, что тебя взволновало, а я почти и не заметил. Конечно, иллюзия! Всего лишь!

– Готовим экспедицию, – кивнул Матвей. – Выступаем завтра. Точнее, просто прогуляемся для начала. На восток, например.

– А эксперимент?

– Если время останется.

– Нет, давай окончательно решим. Например, в четыре.

Матвей, преодолев себя, согласился. «Иллюзия», «газ из недр» – чушь. Но придётся рискнуть. Роман и так уже

смотрит на него... Не как прежде начинает относиться к нему. Если подобным образом складываться будут дела и в будущем, то Роман просто объявит его, Матвея, слабым.

А он отнюдь не слабак. Он тоньше организован, более чувствителен к движениям того незримого, что кто-то назовёт энергоинформационными полями, а кто-то – параллельными мирами. Параллельные миры, которые (нонсенс, конечно) пересекаются. Во всяком случае, соприкасаются, и порой самым непосредственным образом.

Да, разрушения и смерть – более чем вероятный итог подобных катаклизмов.

Но – не спрячешься. Да и пообещал уже. И он перенесётся в почти уже забытый мир необъяснимой неуверенности и пустых страхов. Необъяснимые и пустые, но, как оказалось, до сих пор не изжитые. Шкура, представлялось, задубела и приросла, но – щёлк, и её уже нет, а ты голенький, жалкий и смешной.

Путешествие за горизонт

Однако Арина и Лариса опередили Романа и Матвея, оказавшись на озере ещё до обеда. Случайно. Собирали ягоды по косогору за речкой, и земляничный ковёр вывел их на скалу, с которой открывался наикрасивейший вид на ледяную зеркальную гладь неживого, казалось, озера.

– Оно, что ли, мёртвое? – как бы даже возмутилась Лариса. – Оно и в тот раз таким же было?

– Нет, просто это другая жизнь. Я её сразу почувствовала.

Арина принялась осматривать окрестности, попутно извлекая из кармана записную книжку.

– А, ну ты, конечно, Ариночка! Хо-хо-хо! – иронизирует Лариса. – Кстати, в рифму чего-нибудь выдай для убедительности. Что-нибудь, типа... А, вот! Живое озеро дышало и, как убить меня, решало. Видишь? Я тоже могу сочинять. Но не хочу, потому что не желаю быть дурой. Не понимаю, что в тебе Матвей нашёл.

– Да, о безответной, несчастной любви... – Арина делает запись в книжке.

– А она не обязательно несчастная. Просто не ответная.

– Сонет! – размышляет вслух Арина. – Или венок сонетов. И – в женский взрослый журнал! Если настоящая несчастная... Нет-нет, не сегодня. Только не сегодня, когда небо бледно-голубое и бязью эти облака... А деревья отсюда – ма-

ленькие, как в тундре.

– Витаминов ты, смотрю, уже наелась, – усмехается Лариса и принимается высматривать среди травы ягоды, постепенно удаляясь в сторону.

Спустя полчаса Лариса вернулась и нависла над полулежащей на травке Ариной.

– Ну! Ты уже здесь?

– Я придумала стишок, а получилась загадка, – загадочно и печально улыбнулась Арина.

– Стишок-загадка? Почему не считалочку?

Арина запрокинула голову к небу.

– Когда мечтаешь о тундре, где деревья маленькие, лето короткое и яркое, а зимы поэтически длинные...

– Ты мечтаешь о тундре? – удивилась Лариса. – В первый раз слышу.

– Мечтала и сочиняла. И вышла загадка. Могу прочесть.

– Ладно, давай, – скривившись, как от зубной боли, разрешила Лариса.

Арина поднялась на ноги и принялась декламировать, жестами указывая, когда нужно смотреть на небо с облаками, а когда – на кромку горизонта и лес:

Кто это сделал, кто сумел
гуашью бледно-голубою
раскрасить небо надо мною
и, что совсем невероятно,
тончайшей кистью, аккуратно

наделать бязи облаков?
Да кто же он, кто он таков,
что так талантлив и огромен
и, в то же время, очень скромн?
Присел он там, за горизонтом,
укрывшись тундры мягким зонтом,
и полегоньку, нежно дует,
любясь с грустью, как кочуют
стада его живых творений,
пушистых, не дающих тени,
по перевёрнутой равнине...
Потом в зелёной вязнут тине.

Арина закончила читать стихи и замерла в позе ожидающей аплодисментов артистки.

– В чём загадка? – спросила Лариса.

– Кто «нежно дует, любясь с грустью»? – ответила-спросила Арина.

– Ветер? Циклопы, антициклопы?

– Циклоны, хотела сказать?

– Да пошутила. Чувство юмора подлечи, – посоветовала Лариса. – И вообще, странная ты. Ты в такой манере стихи сто лет назад читала.

– Тайга и тайга до самого горизонта! – сказала Арина и вздохнула. – А что за ним?

– За горизонтом?

– Да.

– Пойди и посмотри, – поразмыслив, сказала Лариса. – Да, надо просто пойти и посмотреть. Кто там присел, ты говорила?

– Который нежно дует.

– Вот и смотаемся.

– А в какую сторону идти? – задумалась Арина.

– Совсем, что ли? В ту сторону, откуда облака.

– Но вчера они, кажется, откуда-то чуть ли не с юга, а сегодня – вон оттуда, – махнула Арина рукой в северо-западном направлении.

– Без паники. Мы отправляемся не вчера, а сегодня. Следовательно, мы пойдём не туда, куда надо было вчера, а туда, откуда сегодня, а не вчера. То есть мы идём... – Лариса послушавила палец и подняла его кверху.

Арина проделала то же самое. И спустя полминуты объявила:

– На юго-запад, естественно. Точнее, на северо-запад. Да и невозможно через озеро, только вдоль.

И они отправились. Шли долго. Устали.

Лариса без сил опустилась на пенёк.

– Я уже не могу.

– Тоже на последнем издыхании, – сообщила Арина и плюхнулась в траву. Она опрокинулась на спину и стала смотреть на кроны деревьев, несущихся навстречу облакам. – Забраться бы на дерево – оттуда видней. Кто полезет?

Лариса поморщилась.

– Я на дереве смотрюсь не очень. Мне кажется, у меня большие ноздри.

– Да, я тоже подустала. А сучков внизу мало, – вздохнула Арина. – Попробовать командный стиль восхождения?

– Это как? – спросила Лариса.

– Одна на другую. Ты на меня, потом я – на тебя.

Арина не без труда поднимается и принимается высматривать подходящее дерево. И такое дерево, у которого нижние сучки находятся в пределах досягаемости, отыскивается. Арина подсаживает Ларису. Лариса лезет вверх, затем устраивается на одной из веток.

– Теперь ты! – командует она.

Арина карабкается на дерево. Она достигает уровня Ларисы, затем пытается пробраться выше, что не вполне получается.

– Я встану тебе на ногу, потом на плечо, – сообщает она.

Лариса покосилась на протекторы её кроссовок.

– Только ты со своими шузами поосторожней.

Арина пробует наступить на ногу Ларисы. Лариса вопит:

– А-а! Разувайся! Давай-давай!

– Разуться? С ума сошла!

– Никогда на дереве не разувалась?

– Представь!

– Значит, просто – мимо! Белочкой.

Но всё же, ценой немалых усилий, Арина пробирается на следующий уровень и осматривается.

– Сейчас ты должна встать и подтолкнуть меня, – говорит она.

– Если встану, потеряю равновесие.

– Не сможешь – мы приплыли! – сердится Арина.

– Подтолкнуть, а потом упасть? И хвалиться синяками?

На ветке расположенной поблизости берёзы сидит баба Саша. Сидит довольно высоко. И не без удивления наблюдает за внучками. Наконец решает заговорить.

– Алё, альпинисты! – с усмешкой произнесла она.

– Бабушка? – удивились Арина и Лариса. Одновременно и в один голос. – Ты как здесь? Ты почему?

– За травами моталась, – баба Саша посохом стучит по лежащему у неё на коленях рюкзаку, плотно набитому. – Приехала, а тут вы...

– И ты молчала! Почему ты молчала? – спросила Лариса.

– Моё убеждение – физические упражнения полезны. Да и, честно сказать, обомлела на оба полушария. Не каждый день увидишь городскую малышню, взбирающуюся на деревья. А тут – командный стиль. Прямо, спецназ.

– Бабуля, а ты глянь, что там, – попросила Лариса.

– Где?

– Да за горизонтом же!

– А отсюда не видно, – ответила баба Саша.

– И оттуда не видно! – удивлённо воскликнула Лариса, а затем осуждающе посмотрела на Арину.

– У озера были? – спросила баба Саша. – Ведь сказано же!

– Мы случайно, – ответила Арина. – Скажи, а сколько у тебя часов налёта?

– Да я сотни, тысячи часов налетала. И это только в рабочее время. В смысле, когда сборы делать надо. А ведь ещё, знаете ли, когда была помоложе... – мечтательно воздевает глаза кверху баба Саша. – Мы только-только сюда перебрались...

Но Ларисе молодость бабы Саши не интересна.

– И что там, за горизонтом?

– За горизонтом? А я туда не летала.

– Почему?

– Я же не знаю, какие там травы. А вдруг они там вредные для здоровья и долголетия? Сколько времени у озера находились?

– Аринка стишок сочиняла.

– Теряем время. Идём, Лариска! – начала сердиться Арина. – Она даже за горизонт не летала! А ещё ведьма называется!

Арина принимается торопливо спускаться с дерева. Только сучки под ногами её похрустывают.

Баба Саша посмеивается.

– Да шучу! Шучу же я! Я там сто раз бывала. И даже больше раз в десять.

– Что там? Расскажи, что видела! – воскликнула Лариса.

– Да-да! – замирает Арина, балансируя на одной ноге.

– Но я ночью летала, – хитро улыбнулась баба Саша. –

В условиях недостаточной видимости.

– Издевается над нами! – резюмирует Арина и продолжает спуск с дерева.

– Девочки, вы сами себя... Вы друг друга слышите? – спрашивает баба Саша.

– Спросим у Макарыча, – предложила Лариса. – Я слышала звук пилы. Уж с самолёта-то видно всё.

– Да уж... – Арина округлила глаза. – Когда в мёртвой петле, то, вероятно, можно увидеть даже то, чего и не бывает!

Арина и Лариса спускаются с дерева.

– В ту сторону! – взмахивает рукой Арина.

– Подожди! – шепчет Лариса. – Посмотрим, как бабушка летает.

Арина и Лариса смотрят на бабу Сашу.

– Идите-идите! – сердитым голосом проговорила баба Саша. – Я при своих внуках ещё не летала! И сразу домой. Пускай дорогу вам покажет.

– Отойти, спрятаться и подглядеть! – шепчет Лариса.

Баба Саша, кажется, всё слышит.

– И не вздумайте прятаться и подглядывать!

– Ладно, в следующий раз как-нибудь, – сказала Ларисе Арина и отправилась на звук мотопилы. Лариса, поколебавшись, последовала за ней.

Девчонки, ориентируясь на завывающий звук пилы, достаточно скоро отыскали в лесу Макарыча.

– Вон он! – первой заметила Макарыча Арина. – Быстрее!

Естествоиспытатели спешат к Макарычу, разделяющему поваленное дерево. Неподалёку стоит мотоблок с тележкой.

– Макарыч, привет! – кричит Лариса.

Макарыч не слышит, так как бензопила исполняет заунывную песню без слов.

Арина тронула Макарыча за плечо.

– Макарыч, на минутку!

Макарыч удивлённо обернулся и выключил бензопилу.

– Вы каким образом здесь?

– Скажите, – спросила Арина, – вы, когда мёртвую петлю или бочку делаете, видите то, чего другие не видят?

– А то у нас силы уже кончаются, – пояснила Лариса.

– Я вас не понимаю.

– Вы за горизонт летали? – спросила Арина.

– Почти на сто процентов – да.

– То есть? – уточнила Лариса.

– Немного не догонял.

– Как это? – не поняла Лариса.

– Горизонт, как правило, очень быстро убегает.

– Быстро? – удивилась Лариса. – Но вы же на самолёте.

– Однажды я его чуть-чуть не догнал, – улыбнулся Макарыч. – Но у меня кончилось горючее.

– Чуть-чуть, – бормочет Арина.

– Да, непонятно, – поддержала её Лариса.

– Вы долго у озера находились? – спросил Макарыч.

Лариса помотала головой и сказала:

– Нет, оно, похоже, неживое.

Арина вынула записную книжку и кокетливо улыбнулась.

– А хотите, я новый стих прочту?

– Вот этого хватит уже! – Лариса выхватила у Арины записную книжку и побежала прочь.

– Стой!

Арина догнала Ларису и принялась отнимать у неё свою записную книжку. Скоро одна из них споткнулась, и обе упали, огласив окрестности визгом. Борьба продолжилась уже в партере, однако была прекращена Макарычем достаточно решительно.

Спустя час, уже сидя на крыльце, Арина внимательно посмотрела на Ларису и сказала:

– И как такое возможно?

– Да уж, учудила ты, старушка, – хмыкнула Лариса.

– Помешательство – коллективное, вот что самое печальное.

– Свихнулась ты, Аринка. А я заразилась. И грипп в декабре тоже ты в дом притащила.

– Придётся сказать им, что это не шутки.

– Мальчишкам? Вот ещё! – возмутилась Лариса.

– Ещё же в тот раз можно было осознать. Авиакатастрофу принялись расследовать методом... – Арина поморщилась, фыркнула, затем продолжила: – И название не придумаешь. Зато стих отличный появился. Я буду сочинять новые. По-

эзия не только ставит вопросы – случаются и поэтические прозрения. Может быть, в следующем стихотворении нарисуеться то, чего мы ещё не видели, но хотим познакомиться. Я...

– Отстань! – рявкнула Лариса, вскочила и убежала в дом.

Когда в товарищах согласья нет

Матвей сидел на кровати и, поглядывая на ежеминутно дёргающиеся стрелки настенных часов, ломал голову, как бы откосить от эксперимента с посещением озера. Если стремиться к пунктуальности, через три минуты следует выдвигаться. Можно слегка и опоздать, конечно. Закрутился, мол, а часы... Часы не трудно остановить.

Пришёл Макарыч, задержался у отворённой двери комнаты сына, постучал по косяку. Не очень решительно. Он и вообще не очень знал, как общаться с повзрослевшим Матвеем.

– Матвей, у меня к тебе дело.

Матвей вскочил и бросился к выходу из комнаты.

– Да. Что за дело?

– Матвей, девочки сегодня ходили на озеро. Мы надеялись... Дети и так дети же. Так ведь?

– Что-то случилось?

– Нет-нет, всё хорошо! – вскричал Макарыч. – Просто их поведение заметно изменилось. Разнимал, как маленьких. Всё быстро прошло. Это такое временное... Они, полагаю, прекрасно себя чувствуют. Лучше уж, по нашему берегу...

– Мы сегодня вниз по течению прогулялись. До утёса и дальше.

– Вот-вот! А если направо, то есть на запад, то за пригор-

ком – лес. Держаться к реке ближе.

– Ты узнал, почему река – вокруг озера?

– Скорее, нет, чем да. Ещё очень много вопросов. Много-много родников, и – река. Делает круг, собирая ещё многие и многие ручьи, и впадает в озеро, резко сужаясь. Да я говорил тебе. Но... Но уровень в озере... сохраняется. Куда девается излишек воды, не ясно.

– В подземные хранилища?..

– Подтверждений пока не нашёл. Как будто, знаешь, вычерпывает кто-то. Так что вы уж с этой стороны реки... Вверх по реке, вниз... А на той стороне и делать нечего, я думаю. Я бы и мост разобрал.

– А самолёт? – спросил Матвей.

– А самолёт... Да, самолёт... – Макарыч загрустил, но тотчас встряхнулся. – Решим с ним. И ещё другой найду. Когда-нибудь. И сделаю. Этот же получился.

Роман в это время стоял на крыльце «Александрии» и терпеливо... Не вполне терпеливо, точнее... Он не стоял, а, заметно взволнованный предстоящим, прохаживался по крыльцу, дёргаясь при каждом звуке.

Когда Матвей появился, Роман, усилием воли удерживая себя от перехода на бег, поспешил навстречу.

– Начальство не опаздывает, сэр?

– Ты не передумал? – удивился Матвей.

– Я должен был передумать?

– Если тебе сёстры рассказали...

– Что рассказали?

– Они же были на озере...

– Они были на озере?

Матвей подумал, что количество вопросов, задаваемых ему Романом, неоправданно велико. К чему бы это? Впрочем, кажется, понятно.

– Надо поговорить с ними. Где Арина и Лариса?

Роман взмахнул рукой, указывая на дом, находящийся позади него.

– У себя. Сидят, как мыши.

Матвей бросил взгляд мимо Романа и обнаружил Ларису стоящей на балконе «Александрии». А рядом, положив руки и голову на перила, сидит Арина.

– На балконе. Смотрят на нас, – сообщил Матвей. – Почему они тебе ничего не сказали? Они были на озере. И... всё так, как я и думал.

– Идём! – принял решение Роман.

Он повернулся и побежал к дому. Матвей последовал за ним.

Девочки запирались недолго. А потом и остановить их оказалось непросто – на второй круг пошли, то ли вспоминая, то ли придумывая новые подробности.

– И как она на пенёчек не взгромоздилась, когда табуреточки не обнаружилось? – смеялась Лариса. – Я помню её такой, помню. Была писклявкой в бантиках.

– Ты в те времена вообще в памперсах жила, – парирова-

ла Арина. – И не всем же иерихонский голосовой аппарат вместо хоть какого-нибудь дара. Кстати, всегда все драки начинала именно ты и больше никто. Зависть – источник всех войн на этой планете.

– Всё равно всё странно, – озвучил свои ощущения Матвей.

– Я и говорю, – сказал Роман.

Арина бросила на брата насмешливый взгляд.

– По-моему, ты, наоборот, необычайно немногословен сегодня.

Роман повернулся к Матвею.

– Самим надо. Иначе чистоту эксперимента не обеспечить.

– Не будем спешить. Подведём теоретическую базу.

– Алё, симпо-зи-ууум! – прогудела Лариса. – Мы можем быть свободны?

– Да, если что... – начал Матвей.

– Вот и валите, – отрезала Лариса.

Матвей и Роман переместились на крыльцо и продолжили обсуждение плана дальнейших действий, закончившееся ссорой. Роман обозвал Матвея книжным червяком, пообещал сгинуть в катакомбах, затем убежал в свою комнату на втором этаже и закрылся. Матвей, миролюбиво настроенный, пошёл следом, потоптался у двери, подёргал ручку, зывая, но допущен не был.

– Ладно, ты знаешь, где меня найти, если надумаешь вы-

браться из своих катакомб, – сказал Матвей в заключение и ушёл.

Это было лишнее. О катакомбах. Словно плетью огрел. Роман, ничком лежавший на кровати, вскочил и принялся собираться в поход. Да, именно в поход, возможно, с ночёвкой.

Говорят, то, что случилось один раз, может больше никогда не произойти, но то, что случилось два раза, обязательно будет и в третий. А Матвей даже уже не дважды сдрейфил, а три, четыре или пять раз. Просто Роман не считал, не фиксировал никогда. Возмущался, да, но быстро отходил, типа – а, ладно, проехали. Но если, конечно, выделить время, сесть, повспоминать...

И уже на пригорке Роман, подуспокоившийся, но не вполне, не до конца, сбросил рюкзак на землю и уселся на люк погребка. Да, если так дело пойдёт и дальше, то и лета не хватит, чтобы...

Чтобы – что? И куда идти? Роман бросил взгляд на мост и дальше, на убегающий в гору лес за рекой. Туда однажды убежал и медведь. Это было в прошлый приезд. Роман с сёстрами плескались в лягушатнике, а этот неизвестно откуда появившийся мишка бросился в воду, забрызгав находившуюся выше всех по течению Ларису, и уплыл на тот берег. Не заметил её, видимо, а то бы – под мышку и... И где-то там, у озера, появились бы Лариса (она, кстати, на Машу смахивает) и медведь. Если тот медведь не оказался бы голодным,

конечно.

Роман бросил взгляд на венчающий крышку погребка замок и подумал, что неплохо было бы тушёнки прихватить. И мёд бы не помешал. А лишнее из рюкзака следовало выложить всё, а не частично. Собирался же, как приехали только, но что-то всё недосуг было. Поесть нечего, а брюк целых трое, не считая спортивных.

– Рома! – послышался знакомый голос.

Роман обернулся и увидел идущего со стороны леса деда Фёдора.

– А, дед. Ты откуда?

– Мох мне нужен. Нарвал немного.

Дед Фёдор сбросил на землю полиэтиленовый раздувшийся мешок чёрного цвета и с интересом посмотрел на рюкзак Романа.

– Опробовать решил, – сказал Роман, заметив взгляд деда Фёдора. – Если завтра в поход...

– И как?

– Нормально. Слегка подрегулировать.

– Один не ходи.

Роман хотел ответить, что и не собирался, но промедлил, а когда поднял взгляд на собеседника, то понял, что дед Фёдор что-то заподозрил.

– На завтра планировали, – сказал Роман. – Будем карту делать.

– Карта нужна, – кивнул дед Фёдор.

– Достопримечательности надо будет отметить. Поможешь?

– Обязательно. Ты домой?

– Да. – И Роман отнёс рюкзак домой, приняв решение прогуляться налегке.

Деду Фёдору показалось, что Роман не такой, как всегда, что-то его не то встревожило, не то расстроило. Что-то угнетает внучка, похоже. Понаблюдать бы за ним. Да за всеми за ними глаз да глаз нужен. Детьми заниматься необходимо двадцать пять часов в сутки. Надо знать об увлечениях их и, по возможности, увлекаться тоже. И вовлекать в свои занятия. Без этого никак. Связь поколений, она складывается, формируется, вызревает в повседневном труде любого и каждого, в заботе каждого обо всех. И всех – о каждом.

Дед Фёдор вдруг поймал себя на том, что в течение последних десяти минут из тех двадцати, что он роет эту канаву, ни разу не поинтересовался, что происходит вокруг. Да-а уж... А это он яму роет. А когда с саженцами возится или цветами занимается?

Антиэльфы, которых не существует

Роман давно предполагал, а теперь, можно сказать, уже и знал, что в районе озера всё не так, как на остальной площади Земли, достаточно хорошо освоенной и даже немножко скучной. В непосредственной близости от озера, по меньшей мере. Это понятно даже и без проведения эксперимента, на осуществлении которого он настаивал столь бескомпромиссно, что поссорился с Матвеем.

Да, всё не так. Но не настолько же! Тем более и не у озера, а у реки, на расстоянии километра, а возможно, и полутора от озера. Похоже, конечно, что в том месте река особенно близко прижимается к овальному периметру аномального, по всей видимости, водоёма. Но если пространство этой излучины реки, обтесавшей уступ берега до упряманной когда-то в земную кору скалы, ныне безобразно растрескавшейся, включено в сферу влияния того необъяснимого... А необъяснимые эти проявления уже довелось наблюдать. В общем, можно предположить... Всякое, одним словом, можно вообразить.

Роман карабкался на высокую скалистую гору (таковой ему представлялся этот скалистый склон прибрежного холма), как вдруг случилось невообразимое. Да, он уже был близок к вершине, когда один из уступов, на который он только что поставил правую ногу, оказался ненадёжным. Очень

и очень ненадёжным, как впоследствии выяснилось.

Но сначала всего лишь из-под ноги Романа вырвался камень. Совсем маленький камешек. На такие обычно и внимания-то никто не обращает. Однако Роман утратил равновесие. Он попытался за что-нибудь ухватиться свободной рукой, вцепиться судорожными пальцами во что-то неподвижное и не склонное двигаться ни вверх, ни, тем более, вниз! Такая вот неожиданная прихоть – обрести дополнительную точку опоры!

Но все попытки оказались безуспешными, и вот уже Роман, больно ударившись несколько раз обо что-то неумолимо жёсткое, скатывается вниз, почти к самой воде. Придя в себя, он, постанывая, поднимается на ноги.

– Ох! О-хо-хо! – с трудом выдыхая воздух, произносит он и ощупывает шишку на лбу. – Словно с дюжиной диких индейцев поскандалил.

Скоро дыхание восстанавливается почти полностью, и Роман, прихрамывая, направляется вдоль кромки воды, высматривая приемлемой пологости склон. Затем поднимается вверх, к тропинке, петляющей среди кустов.

– Но откуда здесь могут быть дикие индейцы? – вслух рассуждает Роман. – Эльфы – этта запросто. Добрые и хорошие. Впрочем, там, где эльфы, там, канешна, и антиэльфы. Которыйи злыйи и коварныйи. Попадись я им, анни миня так атделали ба... Ох! Да, именно так и атделали ба.

Он, испачканный глиной бурого цвета, бредёт, опустив го-

лову, и не замечает идущего ему навстречу Матвея. Матвей первым обнаруживает Романа и пугается его вида.

– Ромка, что с тобой? Такое впечатление...

– Такое впечатление, будта на миня напала толпа злых и коварныйих антиэльфов, ты хотел сказать?

– Типа, да, – соглашается Матвей, настораживаясь.

– Ты угадал. Антиэльфы объявили мне войну. А я – им, в качестве ответной меры.

И Роман широко поводит рукой слева направо. Матвей растерянно оглядывается по сторонам. И ему кажется, что всё вокруг изменилось и стало не таким, как обычно. Какое-то всё не очень подвижное. Даже листья на деревьях.

А затем обнаруживается отсутствие Романа.

– Ромка, ты где? Ромка! Роман, вылезай! Пошутил и бундет.

Роман, возвратившись к прибрежному уступу, вновь начал взбираться по скалистому его склону, и скоро оказался на том самом месте, откуда он совсем недавно сорвался. Мелькнула мысль: «Зачем?» И скалолаз не без удивления осмотрелся. Впрочем, сначала выбраться наверх, а потом – всё остальное. Висеть над, можно сказать, пропастью и плести цепочки умозаключений не каждому по силам. Роман начинает осторожный подъём.

И снова из-под его ноги вырывается камешек, после чего Роман утрачивает равновесие и устремляется к подножию крутого склона, больно ударяясь об уже знакомые бокам его

камни и корни деревьев. Слегка оклемавшись, Роман вновь выбирается на тропинку и направляется в сторону посёлка, хромая пуще прежнего. В голове звон и сплошь неразборчивые мысли.

Матвей, растерянно обшаривающий кусты, опять обнаруживает Романа первым. И бросается навстречу.

– Ты куда пропал?! – кричит он.

Роман останавливается, раздумывает, а затем делает вид, что всматривается в окружающий лес.

– Да показалось, что один тут крутился. Хотел его в плен взять.

– Кто крутился? Кого в плен?..

– Антиэльф. Парламентёром сделать.

– Антиэльфа? Парламентёром? – на всякий случай переспрашивает Матвей, в существование антиэльфов не верящий.

– Да. На случай предстоящего заключения мира, – произносит Роман. – Все жь войны миром заканчиваются, как ты знаишь. Поэтому споймать его... Да, надо снять вопросы. А ну-ка, вон там...

Роман взмахивает рукой, словно указывая на кого-то, прячущегося в кустах. Матвей бросает взгляд в том же направлении, однако никого там не обнаруживает. Обыкновенные заросли кустов и деревьев, преобладающий цвет которых – зелёный. Но взгляд приковывают. Когда Матвей решает продолжить разговор с Романом, то обнаруживает, что тот от-

сутствует. Романа нет ни на тропинке, ни рядом с нею. Матвей растерянно смотрит по сторонам, затем осторожно сходит с тропинки и опять осматривается.

– Роман! Ромка! – выдавливает из себя Матвей, не веря, в общем-то, что Роман его слышит.

Происшедшее не похоже на похищение. Это... Да, если говорить прямо, это – исчезновение. Обыкновенное исчезновение. Если допустить, что обыкновенные исчезновения бывают. Хотя, по большому счёту, они и могут быть только сказочными, мистическими, паранормальными...

На эту тему, конечно, стоит порассуждать. Но не сейчас. А пока надо решить, что можно сделать, чтобы спасти... Хотя, может, необходимости спасать Романа и нет в данный момент. В первый же раз он тоже, кажется, именно исчез, пропал или испарился. Правда, чтобы превратить в пар несколько десятков килограммов довольно твёрдого вещества в течение двух или трёх мгновений или секунд, а потребовалось именно столько времени, необходима сумасшедшая температура. Да весь лес бы сгорел.

А появился он... Да, после первого исчезновения Роман пришёл с западной стороны, двигаясь в сторону посёлка вдоль течения реки. И Матвей бросается бежать по тропинке в сторону незаметно приближающегося к верхушкам деревьев солнца в надежде поскорее увидеть Романа.

А Романа снова постигла неудача. Добравшись до знакомого выступа, дважды его подводившего, он опустил взгляд

и долго смотрел на скоплёнице коварных камешков. Он даже ногу к нему поднёс, однако, секунду подумав, опустил её на соседнюю выпуклость крутого склона. И полетел вниз, потому что и эта опора оказалась ненадёжной.

Полежав некоторое время, он не без труда поднялся. Си-няков и ссадин у него наверняка прибавилось. Роман подобрал сучковатую палку и, тяжело на неё опираясь, начал движение.

Наверх Роман поднялся уже после того, как Матвей пробежал мимо, куда-то туда, где десятки ручейков родниковой, в недавнем прошлом, воды объединяются – не особенно охотно – и становятся рекой. Пойти домой? Да, надо лечить ушибы. Вот именно – домой, домой и только домой. Хоть маршрут иной выбирай, чтобы не рвануть обратно, на тот проклятый склон-предатель непокорённой вершины. Но для этого придётся удалиться от берега реки, углубившись в лес, меж деревьев и кустов которого потом и продираться, беря полученные раны. И Роман сошёл с тропинки и отправился домой лесом. Может, так быстрее будет.

Кстати, спешить сообщать старикам о случившемся не следует. Да вообще никому пока не говорить. Сколько уж раз его язык подводил, то есть его, языка, образно выражаясь, длина и гибкость. Болтун – находка для... Для всех находка и подарок. Как выражается дед Фёдор, молчи – за умного сойдёшь. Победа достаётся тому, кто вытерпит на полчаса больше, чем его соперник, как говорит баба Саша.

Вытерпел Роман недолго. Да как встретился с Матвеем, так почти сразу, едва прожевавшись, всё ему и рассказал.

Но прежде случилось следующее. Матвей вернулся с поисков Романа, поисков исключительно безуспешных, следует отметить, и поднял панику. Его, несущегося с пригорка, первыми заметили Арина и Лариса, раскрашивавшие ступени крыльца. Точнее, Лариса.

– За ним гонятся! – с некоторой тревогой проговорила она. – Смотри, сестра, как он мчится!

Арина посмотрела на бегуна и поморщилась.

– Не очень эстетично бежит.

– Во-первых, с горки, во-вторых, за ним кто-то гонится!

Говорю же!

Подбежав, Матвей остановился и выдохнул:

– Беда!

– Пожар? Извержение вулкана? Где дым и пепел? – вскинула брови Арина.

– Да что случилось-то? – кричит Лариса.

– Романа похитили! То есть он пропал! Я его встретил...

Два раза! Сначала просто исчез, потом... Потом тоже исчез.

Теперь встревожена и Арина. И не меньше, чем Лариса.

– Кто похитил?! Как это исчез?!

– Антиэльфы похитили! Ну, он так сказал!

– Анти... Антиэльфы? – переспросила Арина.

– Я их не видел. Хотя один... Но я его тоже не видел. Просто – хоп, и нету! И во второй раз – то же самое!

– Два раза похитили? – попробовала уточнить Арина.

– Тебе же сказали! – возмутилась Лариса.

– Похитили, вернули и опять похитили? – занудствует Арина.

– Он сам пришёл. А потом уже я побежал ему навстречу...

– И что? Ты побежал... – поторопила Лариса.

– Потом обратно.

Дыхание уже восстановилось, но что ещё сказать, Матвей не знал. Однако под напором сестёр похищенного друга всё же попытался припомнить всё, что ему было известно, все слова и фразы Романа.

А тут и баба Саша и дед Фёдор, привлечённые взволнованными голосами детей, оставили прополку грядок, явились и примкнули. И этим примкнувшим общими усилиями взволнованная компания попыталась объяснить, что ничего страшного не произошло, а если и произошло, то пока нет уверенности, что произошло и остаётся надежда, что не произошло. Сказано было и про антиэльфов, которых Матвей сам не видел. Даже того, которого увидел Роман, когда они с Матвеем встретились, и которого Роман, опять же с его слов, пытался поймать, чтобы сделать парламентом.

И вот уже Матвей – в окружении двух взволнованных людей более чем зрелого возраста, что-то кричащих излишне громко. Впрочем, если прислушаться, то некоторые фразы станут понятны.

– Так что всё-таки произошло?! Матвей! Как его похи-

тили?! Кто?! Где Роман?! Какие ещё антиэльфы, которых не бывает?! – кричали они. Как бы каждый по отдельности, но, получалось, – оба вместе.

– Ромка хотел поймать его, чтобы сделать парламентёром, – сказала Лариса Арине. – Значит, война. Ромка принял их вызов. Значит, с этой минуты мы все на военном положении.

Арина решительно кивнула.

– Когда наши в беде, мы все мобилизованы и призваны.

Потом мобилизованные и призванные принялись вырабатывать план поисков Романа, его похитителей и, если поступят печальные известия... Но на этом разработку плана временно приостановили и скорым шагом, периодически сбиваясь на бег, отправились на пригорок, чтобы с него уже бежать к лесу, а там, оглашая окрестности криками, – по лесной тропинке к истоку реки.

Поиски результатов не дали, и все, уже почти что в сумерках, вернулись на стартовую позицию. Сначала Матвей, который и обратный путь преодолел преимущественно бегом. Недолго подумав у крыльца «Александрии», Матвей решил наведаться в комнату Романа. Вбежав в дом, он услышал некие металлические звуки, доносившиеся со стороны кухни-столовой. Там же никого не должно быть! Но в кухне находился... Роман. Он сидел у распахнувшего дверцу холодильника, прямо на полу, и, позвякивая ложкой, ел из кастрюли рожки с тушёнкой.

– Ну! – крикнул Матвей. – Что?!

– Проголодался, – ответил Роман, не без труда проглотившая очередной комок холодной пищи.

По истечении одной минуты жизни Матвея, очень нелёгкой, Роман, постанывая, поднялся, засунул кастрюлю обратно в холодильник, присел на табуретку и поведал о своих злоключениях.

А потом спросил:

– Что скажешь?

Матвей вздохнул.

– Что тут сказать? Необходимо всё самым тщательным образом... А пофантазировать ты в детстве...

– Попали мы. Вот так! – перебил его Роман. – Хуже нет, когда собой не руководишь.

– Мы тебя искали. Сейчас все прибегут.

– Ты рассказал?! – дёрнулся Роман и поморщился от боли.

– Я был в таком состоянии! – Матвей почувствовал себя виноватым.

– Про антиэльфов, надеюсь, не трепался? – Роман поднялся, подошёл к окну и выглянул. – Про антиэльфов, говорю, ничего не говорил?

– И про них сказал. Но ты же сам...

– Ладно-ладно, сам так сам. Буду выкручиваться. Да просто скажу, что разыграл тебя. Что не знал, что ты такой... Что ты так всё воспримешь.

– Не думаю, что это верное решение.

– А вот и родственнички! – объявил Роман, в очередной раз глянув в окно. Идём встречать. Хотя нет, мы выходим, и ты сваливаешь. Без тебя уж...

Напрямую – бесконечными кругами

Арина сидела на крыльце дома и с грустным видом наблюдала за плывущими по небу облаками. Вышедший из дома Роман проследил за её взглядом, но ничего интересного не обнаружил.

– Скучаешь?

– Нет. Но объяснять своё состояние не буду.

– Почему?

– Потому.

– Матвея не было?

– А это не он шлёпает? – Арина взмахом руки указала на приближающегося Матвея. – Кстати, у него виноватая походка.

– Не говори глупостей. Виноватых походок не бывает.

Матвей остановился, не дойдя нескольких шагов до крыльца.

– Может, и виноватых лиц не бывает? – язвительно произнесла Арина.

Роман всмотрелся в Матвея, а потом закричал:

– Только не говори мне, что сегодня опять всё сорвётся!

– Метеовышкой папа заниматься планирует. Ему человек внизу нужен. Если хочешь, присоединяйся. Он сейчас вылетает.

– Он пригонит самолёт?! – Роман готов был подпрыгнуть.

– Вот, говорю, сигнала по рации жду. Видишь? – Матвей продемонстрировал зажатую в руке рацию. – Правда, все сроки вышли.

– Идём к нему! – Роман, кажется, не просто идти, а бежать готов.

– Ждать будем, – ответил Матвей.

– Не буду из принципа! – заявил Роман. – И весь день буду думать: наша дружба – дружба или не дружба! Друг ты мне или не друг! В огонь и в воду? А может, на лавочке посидеть!

И демонстративно отвернулся. Матвей стоял и не знал, что делать. Плохим другом быть ему не хотелось. А вот, получается, оказался.

Дверь открылась, и на крыльцо вышла Лариса. Она окинула всех троих внимательным взглядом и спросила:

– Кого хороним? Впрочем, эти двое, – последовал небрежный жест в направлении Матвея и Романа, – меня не особенно интересуют. А ты, сестрица, почему такая мрачная?

– А если бы к тебе с просьбой обратились? – обречённо произнёс Матвей.

– С какой просьбой? – спросила Лариса. – Просьба обязательному исполнению не подлежит.

– Если бы ко мне с просьбой... – начал Роман.

– Вот я и обращаюсь к тебе с просьбой! – выкрикнул Матвей и убежал.

Роман растерялся. По крайней мере, вид у него был растерянный.

– Мы планировали... – пробормотал он.

– Иди! – крикнула Арина. – С медведем, который в тот раз Лариску обрызгал, ты всё равно не подружишься. А животное ты – общественное!

– Две сестры, а обе... – Роман пытался подыскать подходящие слова. – А ты, Арина, ещё и стихи сочиняешь! – выкрикнул в отчаянии.

– Иди уже, – усмехнулась Лариса.

И Роман убежал.

– А ветер дул и расплетал нам кудри и распрямлял извилины в мозгу, – продекламировала Арина.

– Умеешь ты сказать, Аринка! – вслух позавидовала Лариса. – Хотя у Ромки и нет кудрей. И мне кажется, даже когда мне будет двенадцать...

– В двенадцать ты будешь... Хотя нет. Ты просто в размерах увеличишься.

Лариса возмущена.

– А, просто в размерах! Спасибо. Вот будешь старухой, а я ещё не очень... Ладно, если что, не обижайся.

– Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души! – провозгласила Арина. – Поэт-долгожитель – это давай не будем. Тоже Высоцкий. Кстати, вот у меня, например, такое, и не менее, я бы сказала... Ладно, слушай. Поэтов топчут ботцами с шипами и жмут в тисках обыденности серой...

– Да слышала я! – перебила Лариса.

– Ну и ступай! – обиделась Арина. – Ты кто? Что нас связывает? Родственные узы – это самое непрочное и никакое.

– Да ладно. Чего ты? – Лариса присела рядом с Ариной. – Я тут думала про вчерашнее.

– И что?

– Матвей – исчезновения, антиэльфы, прочее такое, а Ромка – пошутил, мол, говорит.

– Ромка пошутить не мог?

Лариса посмотрела на сестру и усмехнулась. Так посмотрела и таким образом усмехнулась, что, как выразилась минуту назад Арина, увеличь Ларису в размерах и прибавь ей морщинок, пришлось бы долго разбираться, кто тут старшая сестра.

– Мог. Ромка мог пошутить. А вот Матвей... – Лариса многозначительно помолчала. – Я знаю, когда он шутит, я знаю, когда он печалится.

– Да ты вообще в него влюблена. Напишу как-нибудь стих про любовь малолетки к... Про любовь малолетки к малолетке.

– Знаешь что!.. – Лариса резко развернулась в сторону старшей сестры.

– Да ладно, не обижайся, – примирительно произнесла Арина. – Просто я считаю, что любовь – это потом. Ну, когда начнётся скука, как у взрослых, и делать нечего, кроме работы.

Роман и Матвей, между тем, сидели на лавочке около до-

ма Макарыча и дулись друг на друга. Молча дулись.

Потом Роман проворчал:

– Долго ещё ждать будем?

– Давно уже должен был... Я же говорю. Хотя бы на связь... – дрогнувшим голосом ответил Матвей и приблизил рацию к своему лицу. – Ветер, ветер, я база. Ветер, ответь базе. Приём.

– Мы будем сидеть, а самолёт так и останется у озера, Матвейка.

– Не останется.

– Да Макарыч, поди, кораблики запускает или ракушки да цветные камешки собирает.

– Нет-нет, не может быть! – испугался Матвей.

Роман вскочил на ноги.

– Да они знали! Откуда они знали? На себе не испытали бы, не предупреждали бы нас!

– Нет-нет! – замотал головой Матвей.

– Делать что будем? – холодно произнёс Роман. – Возьмём памперсы, слюнявчик и пойдём за ним?

– Будем ждать. Подождём ещё.

– Ладно.

– Слушай, – заговорил Матвей после паузы, – а ты заметил, как ты говорил?

– Когда?

– Про антиэльфов. А мы всё озеро да озеро. А уж эти твои кульбиты. Думаешь, правильно, что не рассказали?

Роман с яростью глянул на Матвея.

– Чтобы меня сегодня же в тележку тракторную и – на Большую Землю?

– Кажется, мы вовремя, – послышался голос Арины. – Будут драться.

Подойдя, Арина и Лариса встали напротив Матвея и Романа. Матвей вскочил и отошёл от скамейки.

– Присаживайтесь.

Арина приняла предложение, а Лариса осталась стоять напротив Романа, сверля его взглядом.

– Чего уставилась? – вскинулся Роман.

– Что вчера произошло? Кто тебя избил? – прокурорским тоном заговорила Лариса. – Правду и только правду!

– Так с обрыва же!.. – вскричал Роман.

– Ладно. И кто – с обрыва тебя? Говори! Мы все в одной лодке.

– А пускай Матвей расскажет, – предложила Арина. – Он когда врёт – это всегда видно.

Лариса посмотрела на Матвея.

– Если он в курсе.

– Сама говорила, они друг другу всё рассказывают.

Роман пожал плечами.

– Я вам расскажу, а вы мне не поверите. И что мне тогда? Мамой клясться, землю есть? Или червяка жевать, как в тот раз?

– Да мы по-о-омним, – протянула Лариса. – Ел червяка,

а потом выяснилось, что всё равно наврал.

– Могу руку на отсечение, но кто рубить будет?

– Живя сегодня не по лжи, мы беззащитны против лжи! – провозгласила Арина. – Не по лжи, против лжи... Нет, надо по-другому.

Арина потянулась рукой к заднему карману джинсов.

– Алё! Эй, там, на Парнасе! – воззвала Лариса.

– Не-не! – Арина продемонстрировала ладони рук с растопыренными пальцами. – Чисто механически.

– Вообще-то, у нас дела, – сказал Роман. – Матвей, пора.

Роман поднялся и смотрел на переминающегося с ноги на ногу Матвея. Арина и Лариса обратили взоры на него же. Потом Лариса тронула ногой ногу Арины.

– Вставай, Аринка! Куда они – туда и мы.

Роман собирался идти к озеру, Матвей не хотел идти к озеру, а Лариса и Арина теперь вот собрались следовать за Романом и Матвеем, куда бы они ни отправились. И что же делать? Этот вопрос с потрясающей синхронностью звучал в эту минуту в головах Матвея и Романа.

– Теперь ты со мной согласишься, что... – обращаясь к Роману, начал Матвей.

– Да пускай идут. Подумаешь! – Роман обернулся к сёстрам. – Мы на озеро. Вы с нами?

Арина и Лариса переглянулись. И обе увидели в глазах друг друга почти одно и то же. Лариса поняла, что Арина очень не хочет оказаться у озера, а Арина обнаружила, что

Лариса очень-очень не желает говорить на данную тему.

– Потом расскажете, – принимает решение Лариса, и, ухватив старшую сестру за предплечье, уводит её.

– Они собирались про эльфов... – напоминает Арина.

– Тоже – потом. Не хочу! – нервничает Лариса, ускоряя шаг. – Дурдом же. А в дурдоме должны быть не только психи. Иначе...

– Ладно, тогда, может быть... – Арина сделала паузу. – Они – вокруг, с безумными глазами, а я одна стою на...

– Лучше – двое, – перебивает Лариса. – Надёжнее. Бабуля где, не знаешь?

Лариса отходит от Арины и поднимается на крыльцо «Александрии».

– Про дурдом – хорошая тема, – бормочет Арина. – Пойду к речке.

– Где она, не знаешь? – повторяет вопрос Лариса.

– Кто? Нет, лучше наверх, в замкнутое пространство, где шорохи – не звуки, не свист, а тишина. И прочая фигня.

Арина также поднимается на крыльцо, а затем убегает в дом.

– Свист и тишина. И прочая фигня, – ворчит Лариса. – Свихнётся со своими стишатами.

Она усаживается на крыльце и наблюдает за Романом и Матвеем, которые о чём-то горячо спорят.

Это для Ларисы «о чём-то» – ей слов не слышно. Идти на озеро или воздержаться, они решают. И если отправлять-

ся туда, то немедленно, на чём настаивает Роман, или подготовиться должным образом, как предлагает Матвей, надеясь на появление возможности уклониться от данного мероприятия совершенно. Минута или две, и они поссорятся.

– Ладно! – выкрикивает Матвей. – Пошли! Но уговор. Как только ты начинаешь употреблять эти свои детсадовские «ты жы панимайишь», «я жы фсигда жы», то моментально сваливаем.

– Согласен. Давай придумаем условный сигнал.

– Давай, – согласился Матвей.

– Ну! – поторопил Роман.

– Ты сам.

– Этот день победы порохом пропах, начинаешь петь. Понял? – с улыбкой говорит Роман. – Помнишь, как мы познакомились? Ты был в матроске, с бескозыркой на голове. И пел.

– А ты встал рядом.

– Мы, Матвей, были с тобой в одном строю. Идём!

Роман и Матвей быстрым шагом направились к мосту, а затем и вообще перешли на бег. Но на мосту, словно на стену налетев, встали как вкопанные. Навстречу им шёл Макарыч.

– Не завёлся? – спросил Роман, когда Макарыч приблизился.

Макарыч ступил на мост и остановился.

– Да, там... герметичность соединений бензиновой маги-

страли... Да, шланг, наверно, прохудился.

Роман толкнул Матвея локтём и прошептал:

– В глаза не смотрит. Бабушка говорит...

– Да подожди ты! – отпихнул Романа Матвей.

Он уже и сам заметил, что отец смотрит куда-то в сторону.

Точнее, то влево, то вправо, но отнюдь не на собеседников.

– Но я разберусь! – сказал Макарыч, на долю секунды опередив Романа, собравшегося предложить помощь в ремонте. – Гуляйте пока.

Макарыч быстрым шагом проследовал мимо Романа и Матвея.

– А метеовышка? Папа! – крикнул Матвей.

– Не сегодня! – ответил Макарыч, полуобернувшись, и направился к ангару.

– Если течи нет... – с усмешкой заговорил Роман, многозначительно поглядывая на Матвея.

– Гони эти мысли! – нахмурился Матвей.

– Ну, по этой части ты специалист. А я считаю, что лучше сделать, чтобы не было мучительно больно, чем не делать, чтобы жалеть.

– Ты не понял. Если не течь, то что тогда? Что-то же помешало.

– Самый простой способ что-либо узнать – пойти и посмотреть. Ясно? И мы... – Роман ткнул в Матвея указательным пальцем. – Или я один. Надумаешь, догоняй.

Роман перебежал по мосту на противоположный берег

и направился к лесу.

– Подожди! – крикнул Матвей и, недовольно кривясь, пошёл следом за товарищем.

Потом они шли к озеру. Роман целеустремлённо шествовал впереди, излишне, как представлялось Матвею, быстро, даже безудержно. Он нетерпеливо отшвыривал ветки деревьев, перегораживавшие едва приметную тропинку, немилосердно петляющую из стороны в сторону. Эти ветки, отбрасываемые руками Романа, несколько раз хлестнули по лицу Матвея, и он вынужден был слегка отпустить Романа во избежание травм.

Скоро Матвей обнаружил, что тропинка из-под его ног куда-то ускользнула. Вот только что, кажется, была, а теперь её нет.

– Где тропинка? – крикнул Матвей. – Надо тропинку найти!

– Мы напрямую! – ответил Роман, не замедляя шага.

Но двигаться совсем уж прямолинейно особенно и не получалось – то заросли кустов, то бурелом. И Роман бросался то вправо, то влево, а однажды и вообще выскочил на Матвея. Даже сам слегка опешил – секунд пять моргал глазами, непонимающе пялясь на приятеля. Затем развернулся и опять куда-то помчался.

– Надо на тропинку! – успел крикнуть Матвей, и в это мгновение его нога куда-то провалилась. Матвей, охнув, ткнулся лицом в землю. Пока вытащил ногу, пока разобрал-

ся, что перелома нет, Роман пропал из виду. – Роман! Стой, Ромка! – прокричал ушибленный, потом прислушался.

И опять кричал, теперь уже обыкновенное «ау», но – громко, и снова прислушивался. Унесла нелёгкая Романа. Далеко, похоже, унесла.

Ладно, решил Матвей, двинем в сторону озера, которое изначально находилось к югу от моста. Сориентировавшись по солнцу, Матвей на юг и отправился, чтобы спустя четверть часа оказаться на берегу... реки. Промахнулся, значит. А где озеро? Слева или справа? И где Роман?

– Ау! Ау! – прокричал Матвей без особого энтузиазма, словно предчувствуя, что отклика не последует. Для очистки совести, по сути, прокричал, потому как уже порядком утомился.

Устал он, домой уже хотелось. Впрочем, не это главное сейчас. Обогнул ли он озеро с востока, обогнул ли его с запада, двигаться следует, скорее всего, на север. И он окажется на берегу озера, где, вероятно, в данную минуту пребывает и Роман. И они встретятся. По одному «ау» от каждого для уточнения координат – и: «Привет, Роман! Давно ждёшь?» – «Привет, Матвей! Да нет, не очень».

Однако Матвей вновь вышел на берег реки, непостижимым образом промахнув мимо озера.

И Романа в это время на озере не было. Не на озере находился Роман, а в лесу. Заблудился. Он понимал, что если идти всё прямо, прямо и только прямо, то он обязательно

выйдет к озеру или к реке. И он, предварительно, правда, пометавшись, так и двигался теперь – в одном всё направлении. Пытался, в смысле, идти в одном и том же направлении. Но ввиду усталости, а он чертовски устал, Роман уже не расшвыривал ветки кустов и деревьев уверенными движениями сильных рук, не перепрыгивал через поваленные деревья, а старался обходить все препятствия с максимальным для утомлённого организма своего комфортом.

Поэтому когда в очередной раз обнаружилось, что он непостижимым образом кардинально сменил направление движения на прямо противоположное, Роман уселся на услужливо подвернувшийся пенёк и... Нет, не заплакал, конечно. Но подумал, что имеет все основания очень сильно расстроиться. Потому что ситуация сложилась до слёз... Очень печальная сложилась ситуация. Ни сил в организме, ни света в конце тоннеля.

А Матвей, вероятно, ждёт его на озере. Давно уже, надо полагать, дожидается. И можно только гадать, в каком он там сейчас состоянии. Может, он уже никакой. Только за ручку его и скорее, просто бегом даже, – домой. Как можно дальше от ненормальной той зоны.

Хотя всё это ещё требует экспериментальной проверки и компетентного подтверждения личным опытом независимых исследователей.

При слове «исследователи» Роман вскочил с пенёка и заозирался. Солнце как назло скрылось за облаками. Ладно,

как шёл, так и будет двигаться, в прежнем направлении. И только прямо и прямо, буквально, напролом.

Озеро словно меняло местоположение. Река была, а озера не было. Овальной формы озеро, которое огибала река почти по замкнутому кругу, очерченному на относительно небольшом расстоянии от него, на пути Матвею всё не попадалось и не попадалось. Уже и силы иссякли, даже на крики не достаточно их было, и смеркаться стало, а озеро никак в прятки не наиграется.

В очередной раз выйдя на берег реки, Матвей в изнеможении упал в прибрежную траву, уже слегка прохладную. Передохнуть и вдоль речки – домой. У Романа наверняка хватило ума не ждать его столько времени у озера. Подождал, подождал, видимо, да и смотался домой. Потому что понимает, чем это грозит.

Но дома Романа не было. Матвей даже ушам своим не поверил, выслушав ответ на вопрос о Романе от Арины, сидевшей на крыльце с вязаньем.

– Он пришёл и ушёл? – решил уточнить Матвей, едва на ногах державшийся. Его шатало так, что Арина представлялась ему раскачивающейся на качелях.

– Не приходил.

Потом все собрались идти на поиски Романа и принялись экипироваться фонариками. Но он пришёл сам, в состоянии не лучшем, чем Матвей.

Шутки лесные, необъяснимые

– Да, может, соседушко поводил, – пожала плечами баба Саша. – С него станется. Лариса, ложки-то достань. Трёх хватит. А ждать никого не будем.

Баба Саша сняла с кастрюли крышку и взяла поварёшку.

– Какой соседушко? Макарыч? – спросила Лариса, подойдя к сушилке. – Ложки беру самые большие.

– Макарыч – сосед. Я про лесовика говорю. Есть домовой, а есть лесовик. А соседушкой его и мама моя, и бабушка моя называли, – поведала баба Саша, разливая суп по чашкам. – Ты в лес вышел, а он – вот он, рядышком. Только что не видно его.

– А почему его не видно? Я бы очень хотела... – Арина улыбнулась и мечтательно подняла глаза кверху.

– Хотела бы она! – вдруг рассердилась баба Саша и даже поварёшкой замахнулась. – А потом лечи тебя!

– Лечить? Почему? – слегка испугалась Арина.

– Дядю Корнея так и не вылечили. Десять дней его соседушко по лесу водил, потом отпустил. Слова от дяди Корнея больше никто не слышал до самой его смерти в девяностом.

Лариса уточнила:

– Он видел лесовика? Какой он?

– Кто знает. Он же, дядя Корней, онемел.

– Почему он онемел? – продолжала допытываться Лари-

са. Она даже ложку положила, а в голосе её появились прокурорские нотки. – Онемел – это как? Не хотел говорить? Не мог? Что с голосовым аппаратом?

– Всё нормально с голосовым аппаратом! – отчеканила баба Саша. – Просто о-не-мел. Что тут непонятного?

Она уселась на свой стул и демонстративно придвинула свою чашку с супом к себе поближе.

– Да вот непонятно, представь себе! – с возмущением развела руками Лариса. – Если на нервной почве, так и скажи!

– Да, на нервной почве! – начала сердиться баба Саша.

– Что долго дорогу найти не мог, переживал? – решила снизить градус разговора Арина.

– Возможно, просто вида его испугался, – предположила баба Саша и принялась за суп.

Арина кивнула.

– Видела я их на картинках. Этих леших.

– Там никакого сервиса, – подтвердила Лариса. – Волощици, бородачи, бородавищи... Ты, бабуля, мне бородавку на спине вывести обещала.

– Или не надо было, чтобы рассказывал, – высказала ещё одну версию баба Саша.

– И он же сделал, чтобы ребята заблудились? – Ларисе не терпелось всё прояснить.

– Ну да, возможно.

– А зачем? Зачем он это сделал, если в тот же день отпустил?

– Да кто ж его знает. Не пойдёшь, не спросишь. Может, просто пошутил. Вы ешьте, ешьте. Остынет же.

– Пошутил. Просто. Просто пошутил, – задумчиво произнесла Арина. – Но интереснее, когда не «просто пошутил»? Вот что это может значить?

– Возможно, там стая волков в засаде сидела. Или дерево бы упало и придавило.

– Он спасает людей? – обрадовалась Арина.

– Бывает. Бывает, что лист тонет, а камень плывёт, как говорят японцы. А может и погубить. Заведёт и бросит. Или как с дядей Корнеем.

– Но за что – «погубить»? Вот за что? Что ему мы сделали? – не могла уяснить Арина. – Мы как цивилизация, пусть и параллельная, что сделали?

Лариса покивала.

– Да. За что?

– Кто знает. Может, просто не в настроении был.

– То есть, он злой? Всё-таки отрицательный персонаж? – спросила Арина.

– А ты по-прежнему сомневаешься! – фыркнула Лариса.

– Да почему же злой? – баба Саша ненадолго задумалась. – Хотя... Это у нас всё просто, а там... Он же в лесу безвылазно. Там и хищники, и те, кто добыча... Вперемежку все. Со всеми надо общий язык найти.

– Он боится зверей? – удивилась Лариса.

– Да почему же боится? Хотя... Кто ж знает. Они книжек

про свои взаимоотношения не пишу.

Ларисе не терпелось подвести итог.

– То есть, если говорить прямо, там злодеи и жертвы, а соседushко – и нашим, и вашим за копейку спляшем? Сегодня он добренький, а завтра – не в настроении он, видите ли, оказался – взял и погубил человека или целую экспедицию? Так?

– Я бы лучше стих написала. Когда настроение хоть ве-
шайся, может получиться что-то даже великое, с умиль-
но печальными нотками мелодрамы и таким вот, как бы,
привкусом...

– Э-э! – воззвала Лариса. – Думай, что говоришь, сестри-
ца! У тебя брат мог погибнуть. Стих написать умиль-
ный! Надо думать, как безопасность всеобщую обеспечить.
Там идти всего ничего. Пруд, а вокруг река. А они заблуди-
лись! Оба двое в один раз!

– Да, будем думать с дедом, – сказала баба Саша и, сделав
задумчивое лицо, посмотрела в направлении окна.

– Похоже, уже начала думать! – подавшись к Ларисе, про-
шептала Арина. – И что они надумают, тебе сказать? – Испуг,
появившийся на лице Ларисы, свидетельствовал, что разъ-
яснений не требуется. – Так что это тебе надо за языком сле-
дить, малышка.

– Будем думать, – повторила баба Саша, затем отодвинула
чашку и поднялась. – На кухне прибрать! Если не наелись,
грейте котлеты! Дед, кстати, с раффлезией просил помочь.

Она тоже сегодня не в настроении.

Баба Саша направилась к выходу. Лариса устремила на Арину полный паники взгляд.

– Когда помочь себе ты можешь сам, зачем взывать с мольбою к небесам? – со значением произнесла Арина.

– Отвлеку! Заболтаю!

Лариса выскочила из-за стола, а затем и из комнаты.

Здоровый сон в полевых условиях

Роман проснулся и уставился в потолок. Потолок обыкновенный из обычных некрашенных досок. Да и зачем их красить, если по ним никто, кроме мух и комаров, не ходит? Не для мух же красить или покрывать лаком или морилкой эти доски, которые, благодаря разводам узоров, особенно в местах скопления расчленённых пилами сучков, и без того прекрасно смотрятся.

Правда, напоминают. Эти доски, стоглазо уставившиеся сейчас на него, напоминали Роману вчерашний лес, злой и подлый. Всегда у них были прекрасные отношения. Никогда лес не устраивал ему ничего подобного, принимал и провозжал, как родного, порой даже вручая напоследок что-нибудь занятное, хотя бы картинку вроде дятла на дереве невысоко и при исполнении, пикирующего ястреба или перебегающего тропинку ёжа.

А вот вчера... Роман встряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания, и сел на кровати. За ночь и утро, которое, возможно, уже и прошло, он так и не разделся. Как завалился вчера в одежде поверх одеяла, так и проспал, провозился, проворочался полсуток.

Снизу кто-то поднимался. Похоже, Матвей. Если к его комнате направит шаги – значит, точно он. Да, так и есть.

– Привет! – Матвей опустил на табуретку и бросил ко-

роткий взгляд на Романа. Потом опёрся локтями о колени и уставился в пол. – Извини.

– Да ты не виноват, – сказал Роман.

– Как будто, да. А всё равно паршиво. Я пять попыток сделал.

– Не ожидал я, – вздохнул Роман.

– Ты же только что сказал... – расстроился Матвей.

– Я про другое. Про лес. Я морским глубинам никогда не доверял. Не доверял и акул... не любил. А лес – он же лес. Хоть лес, хоть тайга. Хоть медведь, хоть стая волков. Правда, если шатун, или зима голодная...

Матвей выпрямился и в упор посмотрел на Романа.

– Начнём с реки. Идём к истоку, делаем плот и спускаемся по течению. Измеряем, фиксируем... Всё как положено. А потом начнём делать лодку.

– Лодку? Ты умеешь делать лодки, Матвейка? – несколько оживился Роман.

– Я интересовался. Доски отец даёт, пакля у него есть, гудрон тоже. Мы, вот увидишь, ещё под парусом ходить будем. Да мы драккар построим!

– Что такое драккар?

– Ну, драккар – это не в этом году. Да мы и не викинги, не варяги.

– Если бы меня кто викингом назвал, то я и не против был бы, – пробормотал Роман.

– У нас другая задача. Время грабежей и завоеваний ухо-

дит в прошлое.

– Что приходит? Какая задача?

Матвей молчал так долго, что Роман уже начал нервничать.

– Я ещё не сформулировал, – сказал, наконец, Матвей. – Но... сначала отступаешь – потом бежишь и даже драпаешь. Нельзя отступить. И нападать нельзя.

– Что-то ты крутишь. Ну! – Роман уселся поудобнее и проделал несколько разминочных упражнений.

Матвей помолчал, затем сказал:

– Роман, плот поможешь сделать? Брёвна должны быть по четыре метра длиной. Ну, не меньше трёх, чтобы двоих выдержать.

– Слушай, мне полегчало! – Роман достаточно быстро поднялся с кровати. – Который час? Мы успеем сегодня?

– Сплавиться, по моим подсчётам, – нет. Разве что только до посёлка, – с сомнением произнёс Матвей и тяжело вздохнул. – Слишком долго я себя сегодня собирал. По кусочкам.

Спустя совсем короткое время Роман, вихрем влетевший в столовую, привёл в лёгкое замешательство и Ларису, и Арину. Лариса прекратила шинковать капусту, а Арина подняла взгляд от ежедневника и даже положила авторучку на стол.

– Мне чего-нибудь запихнуть в желудок, чтобы часа на три... Хотя бы! – прокричал Роман и подскочил к холодильнику. За спиной у него был рюкзак.

Арина и Лариса переглянулись.

– Хм! – сказала Арина.

– Угу! – промычала Лариса.

– Давайте сэкономим моё время! – распахнув дверцу холодильника, вознегодовал Роман. – Что тут? А, колбаса!

Роман выхватил из холодильника кусок ветчины и положил его на стол. Метнулся к хлебнице, извлёк хлеб, оглянулся в поисках ножа.

– Что вы задумали? – отряхивая с рук капустные ошмётки, строгим голосом произнесла Лариса. – Скажешь – сделаю бутерброды.

Роман долго не думал.

– Хотим успеть сделать плот и сплавиться по течению. Будет карта реки. Если есть сыр...

– Сыр есть. Но я тоже хочу, – заявила Лариса.

– Сыр?

– Нет.

– Делать плот?! – как бы даже и возмутился Роман.

– На плоту – по течению.

– И я, – сказала Арина.

– С ума сошли! Это ж какой ковчег надо строить! Неделя уйдёт! Просто дайте пакет!

– Он даже не знает, где лежат пакеты! – возмутилась Лариса.

– А где пакеты лежат? – спросила Арина.

Лариса открыла один из ящиков шкафа и вынула поли-

этиленовый пакет.

– А сыр? – спросил Роман, запихивая в пакет ветчину и хлеб.

Лариса отыскала в холодильнике кусок сыра и сунула его Роману прямо в руки.

Роман сложил продукты в рюкзак, побежал к выходу, но вдруг остановился.

– Мы дадим прокатиться. Не обижайтесь, – сказал, полуобернувшись.

– Они нам дадут прокатиться! – взмахнула руками Лариса, когда Роман исчез. – Какое счастье! – И испытующим взглядом посмотрела на Арину.

Арина опустила глаза и заёрзала на стуле.

– Наброски... Я хотела закончить.

– Ну так закончи, – разрешила Лариса. – Я тоже в таком виде капусту не оставлю.

Матвея около дома Макарыча Роман не обнаружил. Где он? В доме? В ангаре? А говорил, что всё готово. Роман бросился в дом, пробежался по нему, даже не разувшись, потом сбегал в ангар-мастерскую.

– Неужто опять заклинило? – воскликнул в сердцах Роман, выскочив из ангара и беспомощно озираясь. И вспомнил, что, кажется, рюкзак Матвея он видел в прихожей. – Только пусть попробует!

Матвей вылез из подпола и вышел на крыльцо, когда от Романа, кажется, уже шёл пар.

– Скобы бы, конечно... – пробормотал Матвей. – Но я так не могу.

– Какие скобы? Что ты не можешь? – не понял Роман. – Бери рюкзак и пошли.

Спустя пару минут Матвей вышел уже с рюкзаком и направился к мастерской отца.

– Перекладчины и гвозди, конечно, тоже вариант. Но будь у нас скобы... – вздохнул Матвей, входя в ангар. – Настоящий плот – на скобах.

– Но раз нет скоб! – вскричал Роман. – Их нет?

– Они есть, но...

– Что?

– Сруб, он на листовничных сваях, ими крепится. – Матвей мотнул головой в сторону дома.

Роман схватил Матвея за руку.

– Не знаешь, как вытащить?

– Я знаю, как вытащить.

Матвей снял со стены топор и собрался взять со стеллажа бензопилу, но Роман его удержал.

– Так вытащи!

– Вытащить? – Матвей переминался с ноги на ногу и досадливо морщился.

– Боишься, дом упадёт?

– Если жуткий ураган или... бульдозером подтолкнуть.

А так они... сроднились уже.

– Матвей, тут не водятся бульдозеров! – Роман направил-

ся к выходу. – Пошли!

И Матвей решился.

– Инструмент возьму! – сказал он и сбросил с плеч рюкзак.

Спустя полчаса у Романа и Матвея имелась дюжина не безупречных по форме, но исключительно надёжных по существу скоб.

– Столько хватит? – спросил Роман. – Хотя... Да, они ведь тяжёлые.

– На две кучки поделим. Возьму скотч.

– Конечно, по-братски, – согласился Роман. – А пилу – по очереди...

Скобы приторочили к рюкзакам, взяли бензопилу, гвозди, ножовку и топор и выдвинулись.

В скором времени Арина и Лариса покончили с неотложными делами и приступили к сборам. Спешить, суетиться не стали, готовились к походу основательно. Даже спрей от кусачих паразитов не просто в рюкзак запихнули, но и проверили предварительно на вонючесть. И выбрали два. Самый вонючий из всех имеющихся в наличии – это на крайний случай, естественно. Второй же, наиболее в этом смысле безобидный, почти что дезодорант туалетный по букету втиснутых во флакончик ароматов, предназначался для первичного применения.

– Главное, чтобы не отдали эти... Как их? Перед отплытием... – говорила, спускаясь с крыльца, Лариса.

– Чтобы не отдали швартовы, – подсказала Арина. – Топать обратно по берегу...

– Ещё помогать придётся, – не то припугнула, не то успокоила Лариса.

Арина замедлила шаг.

– А если плот и действительно окажется маломощным?

– Тогда нам километров пять или десять пешочком... – Лариса усмехнулась и многозначительно посмотрела на старшую сестру.

– Ничего тут не придумаешь, Лариска. Матвею нужна карта, а Ромка...

– Вот только заранее сдаваться не вздумай! У меня уже сейчас там, под кепочкой, – Лариса прикоснулась пальчиками к укрывающей её голову бейсболке, – кое-какие мыслишки поскрипывают.

– Если не сделаем сегодня плот... – вздыхал в эту минуту Роман и оглядывался на Матвея, тоже подуставшего, так как позади у них было уже не менее половины пути. – Не сделаем плот, обратно придётся пешком шлёпать. А у меня ещё после вчерашнего ноги болят.

– Нет-нет! – замотал головой и прибавил шагую слегка приотставший Матвей, потому как его очередь была тащить по минутно перекидываемую с одного плеча на другое бензопилу. – Закончим! Вот только если сплавиться придётся в темноте, то это затруднит... Карта, говорю, получится очень приблизительной.

Роман останавливается, роняет топор, сбрасывает с плеч рюкзак и, шагнув с тропинки в сторону, валится в траву.

– Привал! Пять минут ничего не решают! – Роман переворачивается на спину и закрывает глаза.

Матвей ставит на землю бензопилу, опускает рюкзак и думает, ложиться ли рядом с Романом, присесть ли на какой-нибудь пенёк, с которого потом подняться будет гораздо легче, чем выбраться из плена травушки-муравушки, нежно-зелёной и притягательной. Матвей долго думает...

А потом обнаруживает себя лежащим на душистой перине неизвестного цвета, так как глаза его, обращённые к солнцу, необычайно яркому, зажмурены.

Когда пришли Арина и Лариса, Роман и Матвей ещё спали.

– Похоже, – сказала Лариса, высматривая, на что бы присесть, – решили построить плот самым простым способом. И нам на него не пробраться.

– Зачем им плот? Они сейчас на крейсере океаны бороздят. Может, вон туда? – Арина указывает на поваленную берёзу. – Надо было сказать им – такую же травку я видела справа от пригорка, возле леса. От дома Макарыча – полторы сотни метров.

– И – прямо за ним, у речки. Такое же расстояние.

Арина и Лариса, присев, некоторое время молча отдыхают, подставив лица под лучи солнышка, потом вздыхают, практически синхронно.

– Могла сегодня... – говорит Лариса и замолкает.

– Если бы не эта... – произносит Арина и замолкает.

Они обе замолкают. Начали говорить одновременно, одновременно же и прекратили. Так получилось. Удобнее высказываться по очереди. Но если у собеседников глаза закрыты...

– Что ты... – начинает Лариса.

– Ладно... – начинает Арина.

И опять обе вынуждены прерваться.

– Ты дашь мне сказать?! – взрывается Лариса.

– Да на здоровье! – огрызается Арина. Пауза. Продолжение паузы. – Ну! – подстёгивает сестру Арина.

– А забыла, что хотела, – отмахивается Лариса и снова прикрывает глаза. – Думаю, можно домой двигать.

– Передохнём немножечко.

– По горсти муравьёв бы, Аринка, каждому за шиворот.

– Если уж смертную казнь запретили, – соглашается Арина.

Когда пришёл Макарыч, Арина и Лариса уже настолько расслабились, что не хотели даже и в сторону дома двигаться. Они просто сидели и грелись на солнышке, обдуваемые ласковым, как пишут в книжках, ветерком. А вообще, «ласковый» – это не сильный, не жаркий, не холодный, не порывистый... Ну да всякий, кто с ним встретится, тотчас его и узнает.

Макарыч, возвращавшийся в посёлок с упакованным

в холщовый мешок кустом вереска за плечами, сначала увидел припекаемых солнышком и обдуваемых ветерком Арину и Ларису, а потом, уже сойдя с тропинки с целью приблизиться к ним, обнаружил и Матвея с Романом. Арина и Лариса тоже увидели Макарыча – услышали шаги, открыли глаза и увидели.

– Добрый день, девочки! – сказал Макарыч, остановившийся неподалёку и теперь не без некоторого замешательства смотревший то ли на спящих Матвея и Романа, то ли на находившуюся рядом с ними бензопилу. – Не ожидал вас тут встретить. Что с ребятами?

– Обычный сон в полевых условиях, – пожала плечами Лариса. – Пришли, устроились и спят. А вы откуда?

– Я по своим делам... И вот кустик для Фёдора Степановича... Обещал ему.

– Дед найдёт, куда его прикопать, – кивнула Лариса. – А Ромка себе лук из него смастерит.

Макарыч очень мало знал о подрастающем поколении, поэтому, близко сталкиваясь с представителями данного поколения, немного терялся и совершенно не знал, о чём следует с ними, представителями, говорить.

– Значит, пришли поспать? Зачем же им пила? – проговорил он.

– Хотели сделать плот, чтобы нас покатать, да передумали, – сообщила Лариса.

– Не дошли, сморила дрёма, напавши подло из кустов, –

продекламировала Арина. – Напишу стих про путешественников. Только надо придумать, чтобы не дрёма напала, а, скажем...

– Эй! – толкнула Арину Лариса. – Давай уже решать, что делать.

Решили возвращаться. Вторым пунктом решили: Матвея и Романа не будить.

– От вчерашнего не отошли, – с сочувствием в голосе сказала Макарычу Лариса.

Макарыч хотел спросить, что такое вчера произошло, от чего Матвей и Роман до сих пор «не отошли». Собирался спросить, однако подумал, что, возможно, ему говорили про это «вчерашнее», но он не запомнил. Или, что называется, мимо ушей пропустил, что у него, по общему признанию, всегда получалось значительно лучше, чем у кого-либо другого. Поэтому не спросил. Хотя, возможно, и кивнул. Не вполне уверенно, конечно, но, в общем-то, согласно.

И спящих судостроителей оставили вместе со всеми их вещами. Кроме бензопилы. Решение о том, чтобы немного разгрузить юных путешественников, Макарыч принял самостоятельно. Он просто, уже после того, как закинул за плечи мешок с кустом вереска, ухватил этот мешок покрепче левой рукой, а правой подхватил бензопилу.

Мистическое преступление

Матвей проснулся первым, хотя заснул... Впрочем, кто первым уснул, уже не установить. Однако первым отошёл ото сна именно Матвей. Но какая разница, если на часах уже было... Да это с часами что-то! Матвей вскочил на ноги, вскинул голову и завертел ею из стороны в сторону. А чего вертеть-то – вон оно, светило, так его разэдак, к горизонту катится.

Матвей присел и, не в силах отвести взгляда от солнца, временно застывшего в одной из точек скатывания, принялся тормозить Романа. Тот уже проснулся и всю моргал глазами, а Матвей всё тряс его и тряс.

– Да отстань! – разозлился Роман и оттолкнул приятеля.

– Пятый час! – выкрикнул в отчаянии Матвей.

Роману прямо в лицо, которое на этот выкрик, впрочем, никак не отреагировало. Как выражало оно лишь недовольство по поводу насильственного прерывания сна, так и продолжило отражать именно этот вид человеческого недовольства.

– Я понял, что пятый час, а ты свихнулся, – пробурчал Роман.

– Э-э-эх, пропал денёк! – выдохнул Матвей и уселся на траву.

– Сколько, ты сказал? – подскочил Роман. Теперь он впол-

не пробудился. – С ума сойти! Ты почему заснул?

– Это я заснул?

– Это ты разрешил мне расслабиться!

Выяснить, кто виноват в случившемся, не успели. Обсуждаемый вопрос передвинулся с первого плана куда-то далеко на периферию после того, как обнаружилось отсутствие бензопилы.

И был начат новый следственный процесс. Вскоре все события, предшествовавшие пассивному отдыху на природе, были исследованы путём перекрёстного допроса самих следователей самими следователями и, кроме того, был проведён следственный эксперимент с участием всех участников, то есть своего рода реконструкция недавних событий.

Более того, на основании следов на траве было обнаружено место возложения на землю Матвеем пропавшей впоследствии бензопилы.

Более того, были обнаружены следы человеческих ног неустановленного размера обуви.

Бензопила не найдена.

– Украли! – резюмировал Роман, опускаясь на землю и укладываясь на бочок. – Сколько она стоила?

– Отцу она постоянно нужна!

– Она и нам нужна, – напомнил Роман. – А у моих только ножовка и поперечная.

– Будем поперечной распиливать. Но перед отцом неудобно. – Матвей присел рядом с Романом.

– Но кто украл, Матвей? Мистические версии рассматриваем? Была бы собака... Ни у моих, ни у твоего – ни собаки, ни кошки! Позор!

– Если имеет место мистика, собака не помощник, – сказал Матвей и осмотрел окружающее пространство на предмет наличия в нём элементов или, хотя бы, признаков мистического.

– Мы, кстати, недалеко от скалы Проклятая, – проговорил Роман и поёжился.

– Проклятая скала?

– С которой я упал... почему-то. И не один раз почему-то.

– Ты уже даёшь названия, Ромка?

– Но следы ног оставили люди, – напомнил Роман. – А всех местных мы знаем. А если... Слышь, Матвей, а вот говорят: «Закон – тайга». Что это значит?

– Думаю, зависит от того, кто говорит, – после паузы ответил Матвей.

– Ну а мы... Вот поймали мы...

– Не поймали.

– Вот поймали мы, скажем, вора. Что делать?

– Попросим вернуть пилу, – пожал плечами Матвей.

– В смысле наказания. По закону тайги. А? Не в полицию же его тащить за сотни километров.

– В разные времена, у разных народов этот вопрос решался по-разному.

– Не надо про разные у разных! – запротестовал Роман. –

Тайга. Время действия – наше время. Пойман преступник. Статья такая-то – кража. Что с ним делать? Ещё говорят: «Закон джунглей». Тоже подходит.

– Поймаем – будем решать. С учётом личности преступника. – Матвей поднялся на ноги.

– Да везде опоздали, – поморщился Роман, оставаясь лежать. – А прочёсывать лес – контингент малочисленный.

Арина, Лариса, баба Саша и дед Фёдор обедали-ужинали, когда Роман вернулся домой.

– Роман, это ты? – первой отреагировала на предупреждающий скрип входной двери баба Саша. – Мигом в столовую, уже накладываю! Только руки вымой.

Роман был достаточно голоден, поэтому не заставил себя упрашивать. Спустя минуту он уже усаживался за стол и подгребал к себе поближе тарелку с жареной картошкой, вилку, вазу с хлебом, солонку и перечницу.

– Как успехи, конкистадор? – поприветствовал Романа дед Фёдор, наверняка при этом не рассчитывавший, что внук сейчас примется рассказывать ему о своих успехах, а уж тем более – о неудачах.

– Всё отлично, – ответил Роман. – Просто превосходно.

Арина и Лариса дружно усмехнулись и обменялись взглядами. Потом Лариса сказала:

– Вообще-то на завтрак достаточно, так считается, омлетика, овсянки или жульена. Зависит, где человек завтракает.

– Он не завтракал? Лариса! – удивилась-возмутилась баба

Саша. – Ну, Лариса! Роман, не наешься – голубцы подогрею, если не испортились.

– На плоту бы сейчас прокатиться! Эх! – мечтательно посмотрев ввысь, не на потолок, а куда-то сквозь, проговорила Арина.

– Плот ещё не совсем готов, – мотнул головой Роман.

– На какой стадии строительство? – заинтересованно произнесла Лариса. Она даже слегка вперёд подалась, к сидевшему напротив Роману. – Может, помощь нужна? Ну, докрасить там чего, шарики развесить. Вы уже украсили его?

– И не думали! – возмутился Роман. – Бутылку шампанского бы разбить, когда со стапелей... Но нет же шампанского!

– И было бы, не дала, – объявила баба Саша.

– Посоветуй им морсом облить, – хохотнул дед Фёдор. – Ты мне подобных советов за нашу долгую совместную...

– Счастливую, – подсказала баба Саша.

– Да, в отместку за долгую счастливую огромную кучу подобных советов надавала.

Баба Саша встала в позу. Не вылезая из-за стола. Просто положила вилку, выпрямилась, упёрла руки в бока и повернулась к сидящему рядом с нею супругу.

– Подожди, ты чем-то не доволен?

– У меня есть право быть недовольным? – смело пошёл на обострение конфликта дед Фёдор, незаметно отодвигаясь от бабы Саши.

– Нет, конечно. Но ты же безбашенный. Ты же ого-го какой!

– Нет, я мирный.

– Ты не мирный. Ты постоянно меня провоцируешь. Ты провокатор!

– Так! – поднялась Лариса. То есть встала со своего места и обернулась к бабе Саше. – Вы что нашим предкам обещали? Повторяю вопрос. Что обещали вы?

– А что мы обещали? – ехидным голосом проговорила баба Саша. Она, похоже, и с внуками сейчас готова была поссориться. – Мы им чем-то обязаны? Это они должны быть обязаны. Дали им всё, что смогли.

– Вы обещали не ссориться при детях, при нас, значит! – отчеканила Лариса. – Так что попрошу!

– Семейная жизнь! О, она очень драматична! – воскликнула Арина. – Драматургию вообще отменить не возможно!

– Да ладно, пускай ссорятся, – разрешил Роман и отодвинул от себя практически вылизанную тарелку. – Они такие забавные. Баба Саша, ты голубцы обещала. А ещё с тебя – морс и бутылка из-под шампанского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.